

РАЗСКАЗЪ ЛЕЗГИНЦА АСАНА
О ПОХОЖДЕНИЯХЪ
СВОИХЪ.

ПИСАНО СО СЛОВЪ РАЗСКАЩИКА.

Я родомъ изъ лезгинъ, изъ города Кубы, гдѣ отецъ мой проживалъ съ малыхъ лѣтъ. Его звали Маймадъ-али, а мать Огланъ-бажи; нась, дѣтей, было у нихъ четверо: два сына и двѣ дочери. Родители мои меня очень любили; помню, что и они и посторонніе люди называли меня ребенкомъ добрымъ и щедрымъ, потому-что я всегда жалѣль о другихъ; но и брали меня за горячность мою и упрямство, когда я вступался за свою или чужую обиду, либо когда хотѣли принудить меня къ чему силой. Обыкновенно я бывалъ робокъ до наказаній и страхъ не любилъ ихъ; но когда меня наказывали понапрасну или по одной

только злобѣ на меня, то я оставался дерзкимъ и непокорнымъ.

Отецъ мой, по давнишней, семейной ссорѣ, убилъ одного кубинца по имени Сафарбека, почему и вынужденъ былъ скрываться у горцевъ Дагестана, оставивъ семейство свое въ селеніи Мангуликендъ, неподалеку Кубы. Скитаясь по лѣсамъ, иногда только провѣдывалъ онъ насы, а я носилъ ему въ лѣсъ пищу. Жители Мангуликенда большею частію знали объ этомъ, но, по заведенному обычаю, не мѣшались въ это дѣло и отца моего не выдавали. Напослѣдокъ такая жизнь отцу надоѣла, и онъ сталъ просить старшинъ мангуликендскихъ, чтобы его помирить съ врагами его, тремя братьями убитаго имъ Сафарбека, которые однако же не только не согласились на это, но, узнавъ при семъ случаѣ, что отецъ мой скрывается близъ селенія, стали его искать. Возвращаясь однажды вечеромъ отъ отца, — а мнѣ тогда было восемь лѣтъ, — съ посудою въ рукахъ, въ которой носилъ ему пищу, я вдругъ встрѣтился съ тремя заклятыми

кровоместниками, врагами моего отца. Къ счастію, я отыхалъ при тропинкѣ, когда ихъ увидалъ, и хотя не могъ уже спрятаться, но успѣль засунуть посуду въ траву, а самъ всталъ и пошелъ спокойно своимъ путемъ. Они остановили меня и начали допрашивать: чей я сынъ, откуда иду, зачѣмъ ходиль въ лѣсъ. Я сказалъ кто я, хотя они это и знали вѣроятно безъ того, и говорилъ, что мать послала меня къ теткѣ, въ другую деревню. Одинъ изъ нихъ, подозрѣвая иное, выхватилъ кинжалъ, приставилъ его къ груди моей и требовалъ, чтобы я во всемъ сознался, прибавивъ еще: — Все равно, не попался отецъ, такъ попался сынъ. Испугавшись, я схватиль рукой остріе кинжала и больно обрѣзаль себѣ руку; другой братъ Сафарбека остановилъ его, сказавъ: постой, не рѣжь, онъ все скажетъ. Я также сталъ увѣрять, что скажу все, а они, допрашивая меня, сдѣлали мнѣ еще нѣсколько легкихъ ранъ въ груди. Я остался однако же при своемъ показаніи, что теперь ходиль къ теткѣ, но сознался, что отецъ мой точно скрывается

по близости въ лѣсахъ, назвавъ при этомъ впрочемъ не то мѣсто, гдѣ онъ теперь находился. Побившись со мною и не вывѣдавъ ничего больше, они сжалились на плачъ мой и послушались старшаго брата своего, который сказалъ: «оставьте его, онъ глупый мальчишка, не стоить руку марать; отецъ его отъ насъ не уйдетъ». Дома мать меня обмыла, потому—что я весь былъ въ крови, и перевязала мою руку.

На другой день отецъ мой, узнавъ объ этомъ, пришелъ самъ въ селеніе и, собравъ стариakovъ, говорилъ съ ними долго, убѣждая ихъ опять помирить его съ братьями Сафарбека. Разсудивъ, что отецъ мой уже много лѣтъ странствуетъ по чужимъ мѣстамъ, по горамъ и лѣсамъ, за проступокъ молодости своей, въ которомъ онъ былъ и не очень виноватъ, старики сжалились надъ нимъ, приложили все стараніе свое и убѣдили кровоместниковъ принять подарки и ударить по—рукамъ на мировую. Въ знакъ этой новой дружбы, они, по нашему обычаю, взяли отца моего къ себѣ въ гости, на два мѣсяца, и держали

его какъ самаго близкаго и родного человѣка. Послѣ этого срока перешли мы спокойно жить на свое старое мѣсто, въ деревню Гадазихоръ. Два года жили мы садомъ и пашней своей, безъ всякихъ приключеній; но на третій сдѣлалось тревожно, и очередь доходила уже до меня, потому—что я подросталъ; мнѣ было уже одиннадцать лѣтъ.

Въ Гадазихорѣ была мельница, на канавѣ, пущенной изъ рѣчки Гусарчай. Водой изъ этой рѣчки пользовалось много жителей, и оберегали ее общими силами, поддерживая, гдѣ нужно, плотины. Случилась дружная весна, вода была бойкая, и надо было, не упуская времени, запрудить прорывъ. Жители того селенія, гдѣ мы жили прежде, Мангаликенда, пришли для прудки и просили помощи отъ нашихъ; у насъ народъ весь почти былъ въ полѣ, помощи не дали, а тѣ, человѣкъ до двухъ—сотъ, послѣ долгой ссоры, начали съ досады и злости ломать мельницу. Отчаянный мельникъ, вышедъ изъ себя при такомъ раззореніи, выбѣжалъ съ

МОЛОТКОМЪ ВЪ РУКАХЪ, УДАРИЛЪ ИМЪ ОДНОГО ЧЕЛОВѢКА ВЪ ЛОБЪ И УБИЛЪ ЕГО НА МѢСТѢ. СЪ ЭТОГО НАЧАЛАСЬ ДРАКА, НА КОТОРУЮ ИЗЪ НАШЕЙ ДЕРЕВНИ, ГАДАЗИХОРА, СБѢЖАЛИСЬ ВСѢ, КТО БЫЛЪ ДОМА, И ТУТЬ БЫЛО УБИТО И РАНЕНО МНОГО ЛЮДЕЙ. Я ВЪ ЭТО ВРЕМЯ КУПАЛСЯ СЪ НѢСКОЛЬКИМИ ТОВАРИЩАМИ ВЪ КАНАВѢ, И МЫ ТАКЖЕ ПРИБѢЖАЛИ НА КРИКЪ И ДРАКУ, ИЗЪ ЛЮБОПЫТСТВА; НАСЪ БЫЛО ПЯТЕРО МАЛЫХЪ ДА ДВОЕ ВЗРОСЛЫХЪ. УВИДАВЪ, ЧТО ТУТЬ ДѢЛАЕТСЯ, РЕБЯТИШКИ РАЗБѢЖАЛИСЬ, А ДВОЕ БОЛЬШИХЪ, ЗАМѢТИВЪ, ЧТО СТОРОЖЪ ИЗЪ БЛИЖНЯГО САДА НЕ УТЕРПѢВЪ ТАКЖЕ ПРИБѢЖАЛЬ НА ДРАКУ, ОТПРАВИЛИСЬ ВЪ САДЪ ЭТОТЬ ВОРОВАТЬ ПЛОДЫ. МЕЖДУ ТѢМЪ, ТАКЪ КАКЪ НАШИХЪ БЫЛО МАЛО, ТО ОНИ И НЕ МОГЛИ ОДОЛѢТЬ МАНГУЛИКЕНДЦЕВЪ, А ОСТАВИЛИ НА МѢСТѢ ПЯТЬ УБИТЫХЪ И ОДНОГО ТЯЖЕЛО РАНЕНАГО, КОТОРЫЙ ВЪ СВАЛКѢ УПАЛЬ ВЪ КАНАВУ. УВИДАВЪ ЕГО, НЕПРІЯТЕЛИ НАШИ СТАЛИ ЕГО РУБИТЬ; МНѢ СТАЛО ДОСАДНО И ЖАЛЬ СВОИХЪ, Я СХВАТИЛЪ ЖЕЛѢЗНУЮ ЛОПАТКУ И УДАРИЛЪ ИЗО ВСЕЙ СИЛЫ ВЪ ГОЛОВУ ОДНОГО ИЗЪ ТѢХЪ, КОТОРЫЕ ДОБИВАЛИ РАНЕНАГО: МНѢ БЫЛО ТОГДА ОДИННАДЦАТЬ ЛѢТЪ. ОНИ МЕНЯ

схватили, узнали, кто я, потому—что я жиль прежде у нихъ въ деревнѣ; они дивились смѣлости моей и называли молодцомъ, а между тѣмъ держали меня и хотѣли бить. Я плакаль и кричаль отъ злости и кусаль руки ихъ зубами, а они меня уговаривали, то смеялись, то опять страшали; между тѣмъ драка кончилась, всѣ разошлись по домамъ, позабывъ, что пришли для нужной работы, а я вырвался, и за мною не стали гнаться. Женщины, стоявшія издали, видѣли все это и видѣли также, что двое взрослыхъ ушли въ это время на воровство; поэтому вечеромъ всѣхъ нась привели на сходку стариковъ, меня хвалили и учили впередъ всегда такъ дѣлать, а тѣмъ наплевали въ глаза и прогнали. Одинъ изъ нихъ долго отпрашивался, чтобы его не безчестили, и хотѣль за это итти мстить непріятелямъ нашимъ; но старики не захотѣли его простить. Онъ послѣ хотѣль съ досады утопиться, и только сестра упросила его не дѣлать этого, а лучше убить кого—нибудь изъ мангуликендцевъ, тогда—де съ него снимутъ безчестье.

Наши положили на совѣтъ, чтобы признавать мангуликендцевъ врагами своими и мстить имъ за кровь кровью. Между тѣмъ троє изъ вышедшихъ на работу отстали отъ прочихъ, прошли горой, не видали никого изъ своихъ и потому, ничего не зная о бывшей дракѣ, пришли въ нашу деревню. По знакомству съ нами, они зашли къ моему отцу. Отецъ сказалъ имъ, что сдѣлалось, и потому не велѣлъ выходить изъ дома до ночи; но ихъ уже видѣли и тотчасъ рассказали по деревнѣ, что отецъ мой скрываетъ у себя въ домѣ непріятелей, которыхъ надо выдать. Народъ собрался и прислалъ къ отцу сосѣдей нашихъ, чтобы онъ сейчасъ тѣхъ выдалъ. Отецъ сталъ просить посланныхъ, представляя имъ, что онъ гостей изъ—подъ кровли своей выдать не можетъ, — что онъ самъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, искалъ и находилъ защиту отъ враговъ подъ ихъ кровомъ, и наконецъ объявилъ міру рѣшительно, что могутъ вырѣзать все семейство его, но онъ друзей своихъ не выдастъ, потому—что гость самый близкій и

священный родственникъ. Старики разсудили, что отецъ мой правъ, но обязали его, чтобы онъ впередъ не знался съ общими врагами и поставили людей въ разныхъ мѣстахъ, чтобы убить этихъ трехъ человѣкъ, когда они оставятъ саклю моего отца. Впрочемъ двое изъ нихъ, по старанію отца, добрались ночью благополучно домой, но третій былъ убитъ, когда перелѣзъ черезъ плетень виноградника, въ которомъ спрятались наши, подстерегая его.

Пришелъ 1828-й годъ, и отецъ и мать моя умерли отъ холеры. Мнѣ было шестнадцать лѣтъ, и я остался съ братомъ Сафаромъ семи лѣтъ и сестрами Гульбине и Тюмень-ага одиннадцати и четырехъ лѣтъ. Общество отдало насъ подъ опеку дядѣ нашему, Асану. У меня была въ Гадазихорѣ внучатная тетка, которая жила отдельно съ мужемъ своимъ, пастухомъ. Она пригласила меня однажды остаться у нея переночевать, потому-что мужъ ея угналъ овецъ въ горы, не возвращался на ночь, а она боялась оставаться одна. Свекровь ея

узнала объ этомъ и, подозрѣвая невѣстку свою, сказала о томъ двоимъ сыновьямъ своимъ, братьямъ мужа моей тетки. Не разбирая далѣе дѣла, они рѣшились признать за истину клевету злой старухи. На другой день, разговаривая съ двумя человѣками на улицѣ, вдругъ увидѣль я деверьевъ теткиныхъ, съ кинжалами въ рукахъ: они подходили и оба смотрѣли прямо на меня. Догадавшись тотчасъ о ихъ намѣреніи заколоть меня, я началъ просить защиты двухъ человѣкъ, съ которыми разговаривалъ, самъ же прислонился къ забору, а товарищи мои оба стали передо мной. Тѣ подошли и сказали: «отойдите прочь отъ виноватаго; не идеть вамъ закрывать его собою». Товарищи мои отвѣчали: «мы не знаемъ, въ чемъ онъ передъ вами виновать, а знаемъ, что вамъ двоимъ, съ ножами въ рукахъ и съ ружьемъ, стыдно нападать на мальчишку». Тѣ отвѣчали: «мы не за тѣмъ и пошли, чтобы бороться или сражаться съ нимъ, а пошли, чтобы убить его, потому—что онъ виновать и его убить надо». Сказавъ это,

одинъ изъ нихъ взвель курокъ и вдругъ, вскинувъ ружье въ припоръ на меня, выстрѣлилъ; но я успѣлъ оттолкнуть дуло, и пуля прошла у меня мимо плеча; другой между тѣмъ, оттолкнувъ одного изъ вялыхъ защитниковъ моихъ, уже намахнулся на меня **большимъ, обоюдуострымъ лезгинскимъ кинжаломъ**, какъ я, успѣвъ отскочить въ сторону и выхватя свой кинжалъ, разсѣкъ ему плечо, такъ—что онъ упалъ и началъ громко кричать; товарищъ же его въ это самое время ударила меня стволомъ ружья по головѣ, разбивъ меня до крови, но я устоялъ на ногахъ, покачнувшись только нѣсколько назадъ: онъ обхватилъ меня въ эту минуту обѣими руками и хотѣлъ повалить, я же, обхвативъ его также, дернула его кинжаломъ своимъ вдоль всей спины, сколько было у меня простору размахнуться. Рана была очень большая, онъ упалъ, весь въ крови, народъ стала уже сбѣгаться на крикъ, и, какъ дядя мой также выбѣжалъ на улицу, то одинъ изъ родственниковъ раненыхъ ударила его чѣмъ—то такъ сильно, что онъ упалъ; я

было подбѣжалъ къ нему для защиты, но народъ меня окружилъ, не пуская съ мѣста. Въ эту минуту подбѣжалъ другой дядя мой, Уль-ага, старшина деревни нашей; не зная еще ничего толкомъ, онъ однако же закричалъ на народъ, чтобы разступились, а мнѣ мигнуль, чтобы я бѣжалъ; я бросился въ толпу, съ кинжаломъ въ рукахъ, очищая себѣ дорогу; всѣ разступились, но подходившій стариkъ, также родственникъ раненыхъ, схватилъ меня и хотѣлъ удержать, не страшась того, что я самъ весь былъ въ крови, отъ головной раны моей, и намахивался на него кинжаломъ, угрожая его заколоть; а между тѣмъ нѣкоторые изъ толпы также бросились за мною. Еслибы меня сгоряча задержали, то вѣроятно убили бы; но на мое счастье дочь этого старика, молоденькая дѣвушка Гюзель, сжалилась надо мной и бросившись оттолкнула отца, крича изо всѣхъ силъ: оставь его, онъ тебя убьетъ! Этимъ она меня спасла; я перескочила черезъ плетень, скатился немнога подъ гору и согнувшись поднялся опять, нѣсколько подальше, противъ нашего

двора: старшая сестра моя, увидавъ меня, уже вела мнѣ навстрѣчу жеребца и несла шашку мою, но я второпяхъ не успѣль схватить шашки, а сѣль на коня и ускакаль.

Отскакавъ съ версту, я остановился на горѣ, подъ лѣсомъ, откуда видно было все селеніе наше и толпа народу; тамъ было еще очень шумно, и многіе влѣзали на кровли саклей, оглядываясь кругомъ, не видать ли гдѣ-нибудь меня. Остановившись, я сталъ раздумывать, что со мною случилось и что теперь будетъ; видно, подумалъ я, мнѣ такаяжъ участъ суждена, какъ бѣдному отцу моему, который столько лѣтъ, до старости, скитался по лѣсамъ и не смѣль ступить на свой порогъ. Я замоталъ поводья вокругъ шеи жеребца, потрепалъ его и отпустиль домой; увидѣвъ одного старика, который шель за своимъ дѣломъ въ лѣсъ, я подошелъ къ нему и спросиль, что дѣлается въ деревнѣ? Посмотрѣвъ на меня съ жалостію и на кровавое лицо мое, плечи и грудь, онъ сказалъ: «Что ты, братъ Асанъ, надѣлалъ? ты зарѣзалъ двухъ

человѣкъ до полусмерти, и будуть ли живы, нѣть ли, не извѣстно; а ты еще шатаешься тутъ, подъ самой деревней! бѣги скорѣе дальше и не оглядывайся». Я не зacinщикъ, сказалъ я: — лучшежь имъ быть убитымъ двоимъ, чѣмъ мнѣ одному. Затѣмъ я выпросилъ у него труту, чтобы унять кровь въ ранѣ моей, приложилъ его и тотчасъ же пошелъ дальше.

Прихожу въ деревню, верстъ за двадцать, и захожу прямо къ одному лезгину, который живалъ въ Гадазихорѣ въ работникахъ. Напередъ всего я осторожно поглядѣлъ въ окно, нѣть ли тамъ лишнихъ людей, и какъ никого не было, то я и постучался въ дверь. Вышелъ сперва одинъ, да испугавшись закричалъ и вызвалъ всю семью; стали меня спрашивать, что случилось; я все рассказалъ, и меня ввели въ избу, обмыли кровь и перемѣнили на мнѣ платье. Тутъ скрывался я съ недѣлю и стала скучать и просить хозяина моего, чтобы онъ съѣздилъ въ Гадазихорѣ и узналъ бы, что тамъ дѣлается. Онъ, спасибо, не отказалъ мнѣ въ этомъ и

воротившись сказалъ, что дядя мой и опекунъ, Асанъ, посаженъ подъ карауль, а другому, старшинѣ Уль-агѣ, общество приказываетъ найти меня и поставить на судъ; если же черезъ недѣлю не представить меня, то будутъ судить его, потому—что онъ далъ мнѣ уйти. Разсказавъ это, хозяинъ совѣтовалъ мнѣ бѣжать куда—нибудь еще далѣе, но я, вмѣсто того, въ тотъ же день отправился прямо домой.

Подошедшіи вечеромъ тайкомъ къ саклѣ своей, я услышалъ голосъ тетки, которая бранила меня за то, что мужа ея, а моего дядю Асана, изъ—за меня посадили подъ карауль. Я постучался, и когда она удивилась увидавъ меня и замолкла, то я ей сказалъ: слышаль я, тетушка, слова твои, и хоть племяннику не приходится учить тетку, но видно на то Богъ подвель его въ это время подъ окно твое, чтобы тебя пристыдить. Я не виновникъ и не зacinщикъ ссоры, а зарѣзать себя какъ барана не дамъ никому. А дядю своего я, небось, не покину; я самъ пришелъ, никто привель меня; поди, выкупай своего Асана,

скажи, что я здѣсь. Она, постыдившись, ушла въ свое женское отдѣленіе, а братъ и сестры мои бросились меня обнимать.

Вскорѣ я опять вышелъ и увидалъ невдалекѣ отъ нашего дома огонь: это обжигали камни, на извѣстъ, и видно было, что вокругъ огня сидѣль кружокъ народу. Я пошелъ прямо къ нимъ, а какъ ночь была темна и погода вѣтрена, то я и подошелъ очень близко, а они, ослѣпленные огнемъ, меня не видали. Одинъ стариkъ, видно продолжая разговоръ, сказалъ: «этуому дивиться нечего; онъ знаетъ, что ему теперь тутъ добра не ждать; ушелъ подальше — простору много — вотъ и не слыхать о немъ ничего». Молодой, сидя тутъ же, спросиль: «да какой же у насъ извѣстный воинъ?» — А развѣ ты ужъ забыль, сказалъ стариkъ: — тотъ, который двоимъ не поддался и обоихъ израниль, а послѣ ушелъ и всѣмъ вамъ наплеваль въ глаза. Молодой отвѣчаль: «Жаль, что я не родственникъ тѣхъ, я бы не даль ему пожить на свѣтѣ ни одного дня». — Не хвастай, пожалуйста, сказалъ опять стариkъ: — мы тебя довольно знаемъ,

да знаемъ и его. Лучше скажи, какъ есть, что когда бы ты увидѣлъ его, то сталъ бы собирать подъ ногами ягоду. Молодой разгорячился и за него вступился было другой стариkъ, сказавши, что никого не нужно обижать до поры: а вотъ когда что сбудется, то увидимъ. «Увидимъ», сказалъ молодой: «пусть онъ только покажется къ намъ въ деревню — такъ вотъ тогда и увидите; смотрите же, не пеняйте тогда на меня: вы сами меня на это вызвали». Въ это время я вышелъ изъ-за угла пустой сакли, гдѣ стояль, и поздоровавшись также присѣль въ кружокъ, попросившись погрѣться. Всѣ они до крайности удивились мнѣ, здоровались и смотрѣли то на меня, то на моего противника. Помолчавъ немного, тотъ же стариkъ спросиль меня: «а слышалъ ты, Асанъ, что мы говорили?» — Нѣть, не слыхалъ, сказалъ я. Стариkъ опять замолкъ, а хвастунъ, который куриль молча трубку, потупивъ глаза передъ себя, вскорѣ всталъ и ни слова не сказавши пошелъ домой. Они же меня еще разъ спросили: вѣрно ты слышалъ разговоръ

нашъ? Но я отвѣчалъ, что ничего не слышалъ, а только, увидавъ огонь, подошелъ погрѣться.

Между тѣмъ какъ бывшиѣ тутъ разспрашивали меня о томъ, гдѣ я былъ и что дѣлалъ, подошелъ двоюродный братъ мой съ обѣими сестрами моими, которыя безъ меня соскучились, и стали мнѣ говорить, что я напрасно сижу тутъ въ такомъ опасномъ мѣстѣ, совѣтуя мнѣ удалиться. Я всталъ и пошелъ прямо къ дому другого дяди моего, старшины. И тутъ я также сталъ прислушиваться у окна: дядя со всѣмъ семействомъ только-что садился ужинать и вздохнувъ помянулъ меня съ сожалѣніемъ, сказавъ: «онъ, бѣднякъ, еще и раненъ въ голову, можетъ быть сгоряча уѣжалъ, а теперь лежитъ гдѣ-нибудь въ лѣсу и пропадаетъ. Можетъ статься мы уже и костей его болѣе не увидимъ». Тогда я вдругъ вошелъ въ избу, и дядя мой обрадовался и испугался, такъ-что не вдругъ могъ опомниться. Онъ сказалъ мнѣ, что его возили въ городъ, гдѣ комендантъ приказалъ ему непремѣнно меня отыскать и

доставить въ судъ, давъ сроку всего одинъ мѣсяцъ. Но, прибавилъ онъ, я надѣюсь, что ты въ правомъ дѣлѣ своеемъ виновать не будешь, а комендантъ знаетъ все по справедливости, какъ что было: твои раненые помаленьку оправляются, они не опасны; но рука твоя видно не легка: одному отрубилъ ты плечо, такъ—что мясо свисло до локтя, а другому распоролъ всю спину въ долонь, на цѣлый аршинъ. Затѣмъ онъ совѣтовалъ мнѣ ъхать съ нимъ въ городъ, не принуждая однако же къ тому, а говоря: подумай, какъ самъ хочешь. Я тутъ же сказалъ, что ъду съ нимъ въ городъ, но теперь отпросился еще на время домой, сказавъ, что къ ночи ворочусь.

Вышедши на улицу, вздумалъ я подойти къ дому той дѣвушки, Гюзель, которая, оттолкнувъ отца своего, спасла меня. Я увидѣлъ въ окно, при огнѣ, все ихъ семейство, и тутъ же сидѣлъ меньшой братъ тѣхъ, которыхъ я ранилъ; но дѣвушки не было. Рѣчь шла также обо мнѣ и говорили, что если бы только узнать, гдѣ я скрываюсь, то можно бы выпросить у

коменданта козаковъ и меня захватить. Въ это время вошла Гюзель, а они перестали обо мнѣ говорить; отецъ же сердито закричалъ на нее и приказалъ выйти вонъ. Тутъ вошелъ тотъ самый хвастунъ, котораго я пристыдилъ у огня, рассказалъ имъ, что я нахожусь въ Гадазихорѣ, и совѣтовалъ, взявъ на помощь родныхъ пастуха, захватить меня; онъ и тутъ не утерпѣлъ впрочемъ, чтобы не похвастать, сказавъ, будто не онъ отъ меня, а я отъ него ушелъ. Мнѣ очень хотѣлось было пристыдить его, но, опасаясь новой ссоры и притомъ желая еще продолжать ночной поискъ свой, я осторожно перелѣзъ черезъ тынъ и спрятался подъ небольшой сарай, на дворѣ. Я хотѣлъ увидаться съ Гюзелью и положилъ выждать, покуда всѣ въ домѣ заснуть. Вскорѣ огонь въ саклѣ погасъ, но окошко отдѣльной небольшой избы, гдѣ жила Гюзель съ сестрой и еще одной женщиной, было освѣщено; я подошелъ къ нему, предвидя, что и здѣсь услышу что-нибудь о себѣ. Собираясь спать, младшая сестра просить, чтобы Гюзель ей сказала

сказку, а та ей разсказываетъ, какъ на меня напало двое взрослыхъ людей, съ ружьемъ и кинжалами, а я ихъ обоихъ ранилъ и отбился отъ цѣлой толпы и ушелъ. Бывшая съ ними женщина сказала: «а знаешь ли, Гюзель, что Асанъ здѣсь, въ деревнѣ, а отецъ твой хочетъ выпросить у начальства команду поймать его и представить въ городъ?» Гюзель заплакала и отвѣчала: «Еслибы мнѣ только увидѣть его, то я бы не отстала отъ него, пусть бы дѣлалъ со мною, что хочетъ, хоть убей онъ меня, такъ я бы отъ его руки умерла; а дома мнѣ теперь житъя нѣть, отъ отца и родныхъ, бывать и мучать, сами не зная за что, будто есть на это своя воля человѣка, кого любить, а кого нѣть!...»

Подумавъ немного, что я могу погубить ее, если скажусь ей и отецъ обо всемъ узнаетъ, я тихонько опять перелѣзъ черезъ тынъ, когда онъ также улеглись и погасили огонь, и пошелъ къ дядѣ своему, старшинѣ. Рано утромъ просыпаюсь я и вижу, что прямо передо мной стоять Гюзель; она заплакала и молча отошла въ сторону. Мнѣ

стало жалко ее, я спросиль: о чемъ ты плачешь, Гюзель? и, подошедши къ ней, сталъ ее утѣшать. Она же сказала мнѣ, что ей теперь изъ-за меня дома житья нѣть; «пожалѣвъ тебя», говорила она, «когда ты бѣжалъ окровавленный и множество народу бросалось на тебя одного, я оттолкнула отца, сама не подумавъ о томъ, что дѣлаю; но мнѣ стало стыдно за отца, когда онъ хотѣлъ тебя удержать.... теперь же мнѣ проходу не даютъ за это и бываютъ каждый божій день... лучше возьми меня съ собой и дѣлай со мной, что хочешь; пусть я буду твоей рабой; мнѣ отъ твоей руки легче будетъ погибать....» Правду ты говоришь, Гюзель, сказалъ я: если бы я теперь оставилъ тебя у себя, то пришлось бы мнѣ спасать тебя отъ недобрыхъ людей тѣмъ, что заколоть; а другихъ силь у меня не станетъ; ихъ тутъ много, а я одинъ. Не плачь, Гюзель; много народу теперь веселится, наплакавшись прежде, а всѣ будуть и тебѣ тоже.

Въ это время вошелъ дядя мой и спрашиваетъ меня, готовъ ли я, чтобыѣхать

въ городъ. Услышавъ это, Гюзель бросилась къ ногамъ дяди моего и просила, чтобъ онъ меня не выдавалъ или чтобъ и ее также взялъ туда, куда береть меня. Дядя уговаривалъ ее, что мы—де скоро воротимся и все кончится хорошо; но она сѣла на коверъ и, закрывъ лицо руками, стала тихо плакать; а мы поѣхали.

Когда мы явились въ судъ, то отецъ Гюзели и два родственника раненыхъ были уже тамъ, прибывъ съ объявленіемъ, что я нахожусь въ Гадазихорѣ. Мы разошлись въ разные углы и молчали. Приходить есауль и зоветъ меня къ судьямъ; я вошелъ, поклонился и сталъ, ожидая, что будетъ. Комендантъ приказалъ прочитать показаніе о томъ, какъ и изъ чего у насъ вышлассора и драка, и спросиль: такъ ли? Я сказалъ, что такъ. Говори же что можешь въ оправданіе свое, сказалъ онъ. — Я отвѣчалъ: властный господинъ, мнѣ говорить нечего, суди меня по тому, что читаль; свидѣтели все показали вѣрно; два человѣка напали на меня среди бѣлаго дня, ровно ни за что, одинъ уже выстрѣлилъ по

мнѣ, тогда только я выхватилъ кинжалъ свой и защищался; до этого онъ былъ у меня въ ножнахъ. Судъ призналъ меня правымъ и не обвинилъ ни въ чемъ, а призвавъ противниковъ моихъ, объявилъ имъ, что сами они виновны кругомъ, передъ Богомъ и передъ людьми, и строго приказывалъ имъ оставить дѣло и не думать о кровомести. Затѣмъ однако же одинъ изъ судей сказалъ, что—де нельзя же ему простить это вовсе, а надо сколько—нибудь дать острастку, чтобы впередъ не было повадно; и рѣшили, чтобы содержать меня подъ карауломъ до выздоровленія раненыхъ, а дядю моего Асана освободить. Меня посадили въ острогъ, гдѣ продержали три мѣсяца, потому—что непріятели мои нарочно растравляли раны свои солью, не давая имъ зажить, и еслибъ дядя мой, старшина, не изобличилъ ихъ въ этомъ и не пожаловался коменданту, то я бы просидѣль можетъ быть и годъ. Напослѣдокъ вытребовали въ Кубу на личную ставку со мною двухъ непріятелей моихъ, и комендантъ приказалъ намъ при

себѣ помириться; я подошелъ къ нимъ и протянулъ руку, сказавъ: простите меня и не попомните вины моей передъ вами, какъ я не попомню вашей. Но они съ сердцемъ отвернулись отъ меня. Тогда комендантъ грозно закричалъ на нихъ, что они за свою вину не хотятъ меня простить, напали двое на мальчишку, который и безъ того теперь наказанъ, — такъ чего же они больше хотятъ? Затѣмъ онъ еще разъ сказалъ имъ, что кто меня тронетъ, непремѣнно будетъ строго наказанъ, выгналь ихъ вонъ, а мнѣ выдалъ охранный листъ и отпускъ.

Слишкомъ годъ послѣ этого жилъ я дома спокойно, сталъ заниматься хозяйствомъ и хотѣлъ жениться на Гюзели, за любовь ея ко мнѣ, но по бѣдности моей не могъ уплатить калыму, да кромѣ того отецъ ея былъ такъ золь, что ни за какой калымъ не хотѣлъ отдать ее за меня, а отправилъ ее въ дальнюю деревню, къ родственникамъ.

Въ 1831 году сдѣлался у насъ въ горахъ страшный голодъ, по неурожаю; у насъ было въ запасѣ немного хлѣба, но я его

роздаль взаймы бѣднымъ, которымъ было нечего ъсть; пришла нужда и къ намъ, ссуженного хлѣба собрать я не могъ, потому—что бѣдняки были голѣе насъ, и мы не знали, что дѣлать. Голодъ этотъ продолжался три года, и множество людей пропало, набивая себѣ брюхо травой, корой, мохомъ и другими не съѣдомыми вещами. Мы жили, дядя Асанъ съ женой и тремя дѣтьми, да я съ братомъ и двумя сестрами. Голодъ довелъ насъ до крайности; я взялъ ружье, доставшееся мнѣ отъ отца, которое стоило 25 червонцевъ, и пошелъ прямо къ отцу Гюзели, во—первыхъ потому, что онъ былъ богаче другихъ, а во—вторыхъ, полагая, что покорность врага будетъ ему лестна, и онъ будетъ радъ показать свое великодушіе. Пришедши къ нему, я прошу хлѣба, нѣсколько пудовъ, хоть взаймы, хоть за деньги, подъ залогъ отцовскаго ружья, дорогой и неоцѣненной вещи. Хлѣбъ у него былъ, но онъ пряталъ его и продавалъ тайкомъ. Онъ отговаривался и велѣлъ притти мнѣ на другой день, тамъ опять отнѣкивался и

велѣль притти на третій и такимъ образомъ проводиль цѣлыя двѣ недѣли. Между тѣмъ братъ и сестры мои плачутъ, просятъ ъсть, а дядя со всей семьей также голодаютъ; не стало у меня болѣе силь терпѣть, пошелъ я вечеромъ въ послѣдній разъ къ тому старику и сталъ просить настоятельно; тогда онъ мнѣ отказалъ наотрѣзъ. За что же ты меня проводиль двѣ недѣли, сказалъ я: — или хотѣль уморить моихъ сестеръ? Я пошелъ отъ него къ дядѣ старшинѣ и засталъ ихъ за бѣднымъ ужиномъ; они приняли меня ласково и пригласили меня ужинать, но я съ горя не могъ ъсть, а сидѣль молча подлѣ. Недоставало у меня духу говорить, потому—что мы были въ самой крайности, просто умирали съ голоду, а я не могъ прибрать словъ, чтобы поняли это и повѣрили мнѣ, а не сочли бы простымъ нищимъ. Впрочемъ всѣ тогда нуждались и голодали, и всѣ, у кого былъ хлѣбъ, прятали его и скучились, потому—что боялись сами за себя. Посидѣвъ молча, я опять вышелъ; двоюродная сестра проводила меня, и я ей сказалъ: — ты

забыла братьевъ и сестеръ своихъ; они теперь умираютъ съ голоду, дня три не ъли, а грызли старые поршни. Она тотчасъ дала мнѣ мѣшокъ, въ которомъ было пуда два муки, сказавъ: «молчи, хоть мнѣ и достанется за это, да отецъ добръ, простить.»

Пришедши домой, увидѣлъ я меньшую сестру безъ памяти на полу, а братъ стояль, прислонившись къ стѣнѣ, и у него изо рта клубилась пѣна. Разбудивъ скорѣе старшую сестру, которая также едва могла стоять на ногахъ, я развелъ огня; мы сварили болтушку, отвели душу и возвратили ею къ жизни дѣтей; вся семья наша наѣлась до-сыта, чего уже очень давно не случалось. Въ тоже время я отнесъ котелокъ съ болтушкой къ дядѣ Асану и накормилъ его семейство, которое жило на томъ же дворѣ, въ особой саклѣ.

На другое утро я, подумавъ и рѣшившись напередъ, что дѣлать, пошелъ поочередно къ нѣсколькимъ зажиточнымъ людямъ въ окружности и говориль каждому, послѣ привѣтствія: я знаю, что

теперь всѣмъ тяжело и что Богъ послалъ нужду на весь край нашъ; но вы сыты, у меня же братья и сестры умираютъ съ голоду, а дядя уже распухъ; дайте хлѣба взаймы; возьмите меня въ работники, возьмите подъ закладъ семейную, завѣтную вещь нашу, отцовское ружье, но дайте хлѣба. Одинъ только человѣкъ, посовѣстившись, впрочемъ и не взявъ ружья, далъ съ полпуда зерна; прочие всѣ отказали, сказавъ, что—де заемная пора прошла, а что впередъ будетъ — Богу известно: были сыты доселѣ, но брюхо злодѣй, старого добра не помнить, ему подавай каждый день снова. Сдѣлавъ эту послѣднюю попытку, я пришелъ домой, взялъ оружіе, сказалъ своимъ, чтобы ждали черезъ недѣлю, а коли не приду, то и не поминалибъ меня, и вышелъ. Я пошелъ на грабежъ и обрекся грабить на все время голода и кормить своихъ и другихъ бѣдныхъ людей; я положилъ зарокъ не убивать никого, потому—что шель на разбой не для душегубства, а для спасенія людей отъ страшной, голодной смерти.

Пришедши на другой день въ Кубу, обошелъ я весь базаръ и не нашелъ ни одного хлѣбнаго продавца, тогда какъ прежде бывало сидѣло ихъ здѣсь нѣсколько десятковъ. Большая часть встрѣчныхъ людей были слабы и вялы, какъ послѣ тяжкой болѣзни, и всѣ смотрѣли при встрѣчѣ другъ на друга такъ, какъ бы спрашивали: а нѣтъ ли у тебя корки хлѣба? — по дорогамъ не рѣдко лежали изнуренные голодомъ, не могши дойти туда, куда было пошли. За хлѣбъ нигдѣ работниковъ не принимали; хлѣбъ былъ дороже всякой работы.

Поздно вечеромъ подошелъ я къ мельницѣ, подъ самымъ городомъ, гдѣ былъ свѣтъ въ окнѣ, надъ берегомъ рѣки. Увидавъ въ окно трехъ сидящихъ человѣкъ, я постучался и просился къ нимъ, но они не пустили и стали меня гнать прочь. Тогда я сказалъ имъ: слушайте, я умираю съ голоду, мнѣ терять и бояться нечего; либо дайте мнѣ муки, либо я застрѣлю кого-нибудь изъ васъ въ окно. Испугавшись, они дали мнѣ съ полпуда

муки, а я ушелъ въ лѣсъ, развель огня, напекъ кой–какъ лепешекъ и съ жадностю ихъ поѣль. Отдохнувъ немного, я пошелъ на заимку къ одному знакомому дворянину, надѣясь выпросить у него хлѣба, но онъ отказалъ. Воротился я въ лѣсъ и думаю, что мнѣ теперь дѣлать и какъ быть? Вышелъ бы на дорогу да ограбилъ бы хлѣбный караванъ, когда бы попался, — такъ я одинъ, товарищей нѣть, можетъ—статься и не справлюсь; между тѣмъ однако же я вышелъ—таки на дорогу и вижу трехъ вооруженныхъ конниковъ, персіянъ, которые ъдутъ шагомъ. Я вдругъ выскочилъ, сталь передъ ними и сказалъ: стой! вы попались въ засаду; впереди и сзади васъ лежать люди и прицѣливаются на васъ; мнѣ стоить только сказать слово, и всѣ вы слетите съ лошадей. Слѣзайте и сдавайтесь. Они оробѣли, взглянули молча другъ на друга и покорились. Я велѣль имъ сложить все оружіе свое въ одно мѣсто и перевязать другъ другу руки; послѣдняго же я связалъ самъ и, осмотрѣвъ прочихъ двухъ, хорошо ли они связаны, взяль

оружіе ихъ и лошадей, а имъ велѣль итти за собою, въ лѣсъ. Зашедши подальше, я привязалъ лошадей, а нукерамъ велѣль сѣсть. Они спросили меня: да гдѣ же твои товарищи? — Это вы сами, отвѣчалъ я, потому—что я одинъ; а какъ я взялъ васъ въ плѣнъ, то вы теперь мои товарищи и будемъ грабить вмѣстѣ. Они сказали, что провожали въ городъ своего князька и возвращались домой; но ужь когда мы такъ оплошали, что ты одинъ могъ насъ взять въ плѣнъ, то намъ конечно стыдно будетъ дома показаться; между тѣмъ оставаться тутъ съ тобой намъ нельзя и разбойничать мы не согласны; лучше возьми ты кинжалы наши и воткни ихъ въ каждого изъ насъ по самую рукоять; а когда у тебя на насъ не подымаются руки, то прикажи, мы переколемъ другъ друга. Я отвѣчалъ, что не хочу этого, что я и самъ не разбойникъ, а хочу только спасти себя и другихъ отъ голодной смерти, когда родные и пріятели и всѣ зажиточные люди мнѣ въ помощи отказали. Затѣмъ я развязалъ ихъ, отдавъ имъ все, и лошадей и оружіе, отпустиль

ихъ домой; а самъ отошедши расположился ночевать.

На разсвѣтъ я услышалъ свистъ съ разныхъ сторонъ, сперва вдалекѣ, а тамъ все ближе. Я сталъ прислушиваться: вдругъ вижу передъ собою мужика, который, вышедъ изъ чащи, остановился. Подумавъ и оглянувшись по сторонамъ, онъ сказалъ мнѣ осторожнымъ голосомъ: тебя ищутъ; коли это ты вчера плѣнилъ трехъ нукеровъ нашихъ, скорѣе бѣги! Поблагодаривъ его, я отошелъ скорыми шагами поглубже въ чащу и, пріискавъ способное къ тому густое дерево, влѣзъ на него потихоньку и притаился. Вскорѣ опять свистъ сталъ приближаться, и нѣсколько вооруженныхъ людей прошли цѣпью мимо меня, оставивъ меня за собой; опасаясь однако же, я просидѣлъ на деревѣ весь день и тутъ же въ трущобѣ ночеваль. Проснувшись, услышалъ я близко отъ себя шорохъ: взглянувъ осторожно въ ту сторону, увидѣлъ пробѣжавшую лисицу. Это счастливая примѣта, подумалъ я: — пойду

слѣдомъ за этой хитрой воровкой, и вышелъ опять на дорогу.

Только-что выказался я изъ лѣсу, какъ наскочилъ почти вплоть на верблюжій караванъ. Не думавъ долго, я сказалъ тоже, что персидскимъ воинамъ, и караванъ остановился.

Въ это время въ тѣхъ мѣстахъ на большомъ пространствѣ славился извѣстный разбойникъ мулла Нуръ: смѣлость его и неустрешимость были вѣдомы всякому, и его боялись всѣ. Я объявилъ себя есауломъ его и, спросивъ, сколько человѣкъ въ караванѣ, требовалъ съ каждого, именемъ муллы Нура, по рублю серебромъ. Они на все соглашались, но говорили, что денегъ у нихъ нѣть, а везутъ они въ городъ хлѣбъ; получивъ же тамъ за него деньги, обѣщали честно отдать мнѣ требуемую подать. Между тѣмъ около тридцати человѣкъ меня окружили; одинъ, высокаго росту и молодецъ собой, сказалъ: чего вы смотрите на него и чего испугались? Связать его и представить въ городъ! Я бросился на него съ кинжаломъ и раниль

его, повторивъ, что по знаку моему всѣхъ ихъ перестрѣляютъ, а мулла Нуръ отыщетъ ихъ, куда бы они ни ушли; не давъ имъ опомниться, я отрѣзаль бурундукъ (поводъ) одного изъ навьюченныхъ верблюдовъ и поспѣшно увель его въ лѣсъ. Къ счастію былъ густой туманъ; я вскорѣ скрылся и только слышалъ издали шумные ихъ голоса. Я провель добычу свою, нигдѣ не останавливаясь, прямо въ Гадазихоръ и отдалъ дядѣ, велѣвъ ему муку взять себѣ, а верблюда отогнать и пустить по близости города. Оставаясь самъ съ недѣлю дома, я каждый день вариль болтушку и кормиль всякаго, кто ко мнѣ заходилъ; черезъ два дня знали уже во всемъ околоткѣ, что у меня столь для бѣдныхъ, и голодные нахлынули со всѣхъ сторонъ: скоро запасы мои стали приходить къ концу. Подумавъ, отправился я опять на тоже мѣсто.

Прошло два дня, на третій подстерегъ я персидскій обозъ съ хорошимъ товаромъ. Я остановился у мосту и, подпустивъ обозъ вплоть, поздоровался съ хозяиномъ, принесъ ему поклонъ отъ муллы Нура и

потребовалъ дани. Онъ далъ мнѣ, безъ всякого спора, пять червонцевъ и нѣсколько кусковъ шолковой ткани, велѣлъ кланяться атаману и просилъ меня не забыть отъ кого, чтобы впередъ быть знакомымъ и не подпасть обидѣ. Они поѣхали своимъ путемъ, я же пошелъ въ лѣсъ, а услышавъ, часа черезъ три, шумъ и разные голоса, опять осторожно вышелъ. Тутъ стоялъ другой обозъ, а передъ нимъ человѣкъ въ богатомъ вооруженіи, котораго я, по примѣтамъ, тотчасъ узналъ за самого муллу Нура. Я подошелъ и сталъ съ любопытствомъ его разматривать. Взглянувъ на меня, онъ закричалъ: «ты чего не видаль? пошелъ прочь!» — Мнѣ стало это обидно, да притомъ я считалъ муллу Нура человѣкомъ злымъ, онъ грабилъ изъ корысти; я подумалъ: расправлюсь я съ нимъ: онъ, какъ видно, одинъ. Но разбойникъ въ ту же минуту понялъ движеніе мое, потому что я впился въ него глазами, а самъ осторожно схватился за ружье, и потому онъ, перемѣнивъ голосъ, сказалъ, обратившись

къ толпѣ: «видите ли, какие у меня товарищи! Изъ земли выростаютъ; это братъ мой, который еще храбрѣе меня». Въ тоже время онъ взглянуль на меня привѣтливо и мигнулъ мнѣ едва замѣтно. Я опустилъ руку, онъ получилъ дань и отпустилъ обозъ, а потомъ мы другъ на друга поглядѣли. «Здравствуй же, товарищъ», сказалъ онъ, подавая мнѣ руку: — назовись именемъ и отчествомъ». — Я назвался. «Знаю тебя, сказалъ онъ, прошли слухи о тебѣ». — И я тебя знаю, сказалъ я: — и бралъ дань твоимъ именемъ. — «Стало быть я правду сказалъ, отвѣталъ онъ: — и мы товарищи!» — Въ это время подошелъ одинъ изъ подручниковъ его, и я замѣтилъ, что мулла Нуръ обращался съ нимъ какъ со слугой: онъ между прочимъ послалъ его за кушаньемъ, сказавъ, что у него сегодня дорогой гость и указалъ при этомъ на меня. Черезъ часть три человѣка принесли обѣдъ, и всѣ мы вмѣстѣ усѣлись на травѣ и хорошо поѣли. Напослѣдокъ, побесѣдовавши еще нѣсколько, мулла Нуръ пріятельски со

мною простился, сказавъ, что еще увидимся.

Прошатавшись по лѣсу дня три, я вышелъ опять на дорогу и часа черезъ два увидѣлъ тянувшійся по ней верблюжій караванъ. Остановивъ его, я потребовалъ хозяина, для уплаты дани; но тутъ хозяина не было, все одни работники, люди бѣдные, которымъ отдать было нечего; когда же я не соглашался отпустить ихъ безъ дани, то они сказали: съ нами есть трое жидовъ, они сами хозяева, товаръ у нихъ хороший и деньги есть; бери съ нихъ. Жиды было попрятались между лошадьми и верблюдами, но ихъ отыскали; я потребовалъ дани, а они стали божиться, что и у нихъ нѣть денегъ, а товаръ самый плохой, за который не слѣдуетъ взыскивать много, а потому и сулили мнѣ всего сколько-то мелкаго серебра и мѣди. Коли такъ, сказаль я: — то возьмите назадъ деньги свои, а мнѣ подайте плохой товаръ, и взяль у нихъ двухъ лошадей со выюками. Тогда жиды мои, вышедъ изъ себя и забывшились, съ кѣмъ связались, бросились

отымать у меня лошадей; я ранилъ одного изъ нихъ кинжаломъ, всѣ трое съ крикомъ отступились, и я повель добычу свою черезъ лѣсъ и горы въ Гадазихоръ.

Между тѣмъ смерклось, стало очень темно, а какъ я, опасаясь преслѣдованія, шель не дорогою, а въ переваль, то и заплутался. Пустившись наконецъ наудачу по первой попавшейся мнѣ дорогѣ, я вскорѣ прибылъ къ селенію, гдѣ на лай собакъ изъ большого каменнаго дома вышли ко мнѣ три человѣка. Я сказалъ имъ, что заплутался, просилъ позволить мнѣ погрѣться у нихъ, а потомъ указать мнѣ дорогу. Они исполнили это, даже накормили меня, и рано утромъ я былъ уже дома. Брать и сестры мои до крайности обрадовались; не смѣя отказывать голоднымъ въ пищѣ, потому—что я это строго имъ запретилъ, они раздали почти весь хлѣбъ и опять уже начинали терпѣть нужду. Я весь товаръ отдалъ дядѣ, велѣль ему тотчасъ же купить пищи, и съ этого дня пошло въ бѣдной саклѣ нашей опять веселое житѣе и каждый

день были пиры, на которые сходились всѣ голодные изъ цѣлаго околотка.

Чтобъ сбыть съ рукъ двухъ лошадей жидовскихъ, дядя предложилъ ихъ за безцѣнокъ какому–то проѣзжему; тотъ почему–то не рѣшился взять ихъ, а одинъ изъ гостей нашихъ, пришедшій изъ города къ радушному столу моему, видѣлъ при этомъ случаѣ лошадей и, воротившись въ городъ, забывъ нашу хлѣбъ–соль, пошелъ къ жидамъ, надѣлавшимъ въ Кубѣ много шуму и тревоги, и обѣщался за хорошую плату отыскать ограбившаго ихъ разбойника. Онъ узналъ лошадей по описанію масти и примѣтъ. На другой день прибыла въ Гадазихоръ команда казаковъ, а съ ними жиды и нашъ докащикъ. Всѣ они прїѣхали прямо на дворъ къ дядѣ моему, старшинѣ; онъ старался занять ихъ нѣсколько времени, а самъ даль мнѣ знать. Я выгналь лошадей этихъ скорѣе въ лѣсь, а вмѣсто ихъ поставилъ другую пару такой же шерсти, взятыхъ на время у сосѣдей.

Только–что успѣль я сдѣлать это, какъ пришли ко мнѣ на дворъ смотрѣть лошадей.

Жидъ поглядѣлъ и сказалъ: нѣтъ, это лошади не мои. Докащикъ также осмотрѣлъ ихъ и сказалъ: лошадей перемѣнили; это не тѣ, что я видѣлъ. Тогда указали на меня и спросили жида: онъ ли тебя ограбилъ? Жидъ смотрѣлъ на меня долго изъ подлобья, но признался, что за великимъ страхомъ не можетъ навѣрное припомнить. Видно было, что онъ меня боялся. Народу нашло много; я подстерегъ такую минуту, когда всѣ были заняты между собою толками, и потихоньку скрылся; вскорѣ схватились меня, но ужъ поздно; начальникъ отряда приказалъ, чтобы меня доставили въ судъ, когда я ворочусь, и затѣмъ съ командой своей обратился въ городъ.

Между тѣмъ я, залегши невдалекѣ подъ лѣскомъ у дороги, пропустилъ мимо себя казаковъ и подстерегъ жида съ мужикомъ, которые оставались еще нѣсколько времени въ деревнѣ, надѣясь что-нибудь открыть. Я вдругъ вышелъ и, остановивъ ихъ, сказалъ: я тебя ограбилъ, еврей; но коли ты меня не узналъ, то честно сдѣлалъ, что не показалъ

на меня. Скажи-же мнѣ правду, сколько этотъ добрый человѣкъ взялъ съ васъ за донось? Жидъ отвѣчалъ: двадцать цѣлковыхъ. Правда ли? спросилъ я мужика. — Правда, отвѣчалъ онъ въ большомъ страхѣ и смущеніи. — Дешевожь ты продалъ благодарность свою за хлѣбъ—соль; подай мнѣ сейчасъ эти деньги! Онъ ихъ поспѣшно досталъ и подалъ мнѣ, я же отдалъ ихъ жиду, сказавъ: вотъ твои деньги; теперь слушайте: вы оба у меня въ рукахъ, и я могу васъ убить обоихъ; но если я васъ отпущу, то уже я буду у васъ въ рукахъ, вы можете теперь донести на меня и меня назвать. Они стали просить на колѣняхъ пощады, клялись и божились, что никому ни слова не скажутъ обѣ этой встрѣчѣ. — Тебѣ я вѣрю, сказалъ я жиду: — и отпускаю тебя, а съ тобой какъ быть, спросилъ я мужика: — когда ты уже разъ меня такъ дешево продалъ? мужикъ заплакалъ, просилъ прощенія и взмолился, увѣряя, что даже и подъ пыткой слова не скажетъ обо мнѣ. — Поди съ Богомъ, сказалъ я ему: — хоть я и вижу что ты

подлецъ, но я хочу тебѣ вѣрить, чтобы ты могъ исправиться; знай и помни однако же, что если только ты меня и на этотъ разъ обманешь, то такъ дешево не раздѣлаешься; тогда я отыщу васъ обоихъ, хоть подъ землей, и вамъ головъ своихъ не сносить.

Воротившись домой, я пригласилъ къ себѣ захожую братію, пять человѣкъ изъ обнищавшихъ и голодныхъ лезгинъ, съ тѣмъ, чтобы они пособили мнѣ отомстить отцу Гюзели за злые дѣла его и въ особенности за то, что онъ не давалъ мнѣ хлѣба, стараясь обманомъ провести время, въ надеждѣ, что и я, и братъ, и сестры мои помрутъ съ голоду. Я недавно узналъ, что онъ говорилъ другому человѣку: «живучь однакожь этотъ Асанъ; онъ таскался ко мнѣ за хлѣбомъ цѣлыхъ двѣ недѣли и ужь чуть только на ногахъ стояль; я все ждалъ, что онъ не переживеть ночи и не дотащится болѣе до меня: нѣть, какъ утро настанетъ, такъ и онъ у меня на порогѣ». Я хотѣлъ ему это напомнить; о Гюзели же нечего было и думать, она давно отдана была замужъ.

Въ слѣдующую ночь мы отправились и намъ удалось такъ тихо отпереть дверь въ домѣ злого сосѣда, что никто не проснулся. Зная, гдѣ онъ спить, я подошелъ потихоньку и сталъ его будить, называя по имени. Онъ проснулся съ испугомъ и спрашивалъ: кто тамъ? — Узналь ли ты меня по голосу, спросилъ я. «Узналь, ты Асанъ». — Такъ пощупай-ка, что у меня въ рукахъ, — и я подалъ ему лезвіе кинжала. Онъ страшно испугался и сталъ просить пощады, говоря: братъ мой, что ты хочешь со мною дѣлать? — Я принесъ тебѣ гостинецъ, сказалъ я: — за твою хлѣбъ-соль, что ты хотѣлъ уморить меня съ голоду, а послѣ еще дивился, что я не издохъ. Теперь молчи, на первый случай, а если только пикнешь, то всажу тебѣ кинжалъ по самую рукоять. Я велѣль стать подлѣ него одному изъ товарищей и уставить кинжалъ на грудь лежащаго, а самъ съ прочими распорядился по хозяйству: взявъ четыре мѣшка муки, сколько было печеныхъ лепешокъ, масла, соли да еще двѣ коровы, напослѣдокъ

простился я съ нимъ, посовѣтовавъ еще разъ лежать смирно до самого утра, и сказалъ: я просилъ у тебя въ ссуду, подъ залогъ завѣтнаго оружія — и ты не далъ; теперь не прогнѣвайся; коли хочешь, то приходи завтра ко мнѣ на пирушки, я буду кормить нищихъ и голодныхъ.

Отправивъ все заграбленное въ свою саклю, я утромъ объявилъ дядѣ, что у меня будетъ большой пиръ и разослалъ своихъ лезгинъ по околотку звать гостей, съ тѣмъ, чтобы ни одинъ богатый человѣкъ не смѣлъ быть ко мнѣ, а одни только убогіе. Мы зарѣзали обѣихъ коровъ, напекли хлѣба, наварили мяса, а гостей пришло ко мнѣ столько, что сѣли все, что было, въ тотъ же день.

Отецъ Гюзели, едва дождавъ утра, поѣхалъ жаловаться на меня, но не къ коменданту, а къ окружному князю, Али-пашѣ. Князь прислалъ за мной есаула съ конвоемъ, который прїехалъ прямо въ домъ дяди моего, старшины, гдѣ и я на ту пору случился. Есаулъ ласково поздоровался со мной и протянулъ мнѣ руку, а я, ничего не

зная, протянуль было и свою; но дядя мой успѣль еще дать мнѣ знакъ, оттолкнувъ въ тоже время есаула и закричавъ ему: «что ты даешь руку этому сорванцу, вѣдь онъ какъ разъ тебѣ распореть брюхо!» Этимъ дядя даль мнѣ понять, что прѣхали за мной; я тотчасъ отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ и, чтобы оправдать дядю, схватился за кинжалъ и сказалъ: ну, счастливъ ты, что старшина тебя спасъ! потомъ я вышелъ и скрылся. Не могши взять меня, есауль долго бранился съ дядей, понявъ, несмотря на продѣлки наши, что тотъ потакаетъ племяннику, и уѣхалъ, сказавъ, что обо всемъ донесеть князю, а ограбленный сосѣдъ мой, опасаясь остаться, также уѣхалъ съ ними.

Боясь угрозъ посланнаго, дядя началь меня бранить за мои разбои и вдругъ крѣпко осерчалъ, сказавъ, что это ему уже надоѣло. Я ему отвѣчалъ: ты самъ знаешь, почему я на такое дѣло пошелъ: я не хочу умирать съ голоду, а и того пуще не хочу, чтобы умерли сестры и братъ. У тебя порядочный достатокъ, почему же ты не

возьмешь ихъ къ себѣ? Ты ко мнѣ добръ, это правда, или добрѣе другихъ, но по тебѣ мы бы все—таки давно попухли и издохли. Учить не мудрое дѣло, дядюшка, особенно такой простой вещи — что—де разбойничать и грабить не хорошо; но побудь—ка на моемъ мѣстѣ.... Я не перестану грабить, на все время голода, пока меня не убьютъ; я себя не жалѣю, я жалѣю своихъ близкихъ. Я на это положилъ зарокъ, а ты, какъ пожилой и хороший человѣкъ, самъ знаешь, что обрику одна дорога: впередъ, а не назадъ.

У дяди собралось въ это время нѣсколько стариковъ, которые слушали все, что я говорилъ, и наконецъ сказали, что меня винить нельзя въ такую пору, — что я точно, какъ вся кому известно, граблю не для корысти, дѣлю добычу свою на всѣхъ голодныхъ и притомъ не душегубствую. Они припомнили и то, что въ то время былъ отъ начальства строгій приказъ: коли у кого есть хлѣбъ и онъ просящему у него ради голода послѣ троекратной просьбы не дастъ, то отбирать четвертую часть

наличнаго хлѣба и дѣлить на голодныхъ. А онъ, сказали они обо мнѣ: — ходилъ и просилъ долго и много разъ, да не бось недалъ никто; а сосѣдъ, котораго онъ ограбилъ, не даль и подъ залогъ такой вещи, какъ отцовское ружье!

Между тѣмъ, такъ какъ дядя—старшина сталъ призадумываться, что ему придется за меня отвѣтить, то я всталъ и сказалъ: никого я не хочу вводить въ отвѣтъ за себя, и потому завтра же самъ поѣду къ князю. Дядя обрадовался, а старики меня похвалили, сказавъ: ступай и не бойся ничего; пусть старшина Ѳдетъ съ тобой и засвидѣтельствуетъ передъ княземъ нашимъ именемъ, что дѣло твое правое.

На другой день мы прїѣхали въ Кубу и явились Али—пашѣ. Мы слышали, что онъ былъ очень сердитъ на меня, и намъ пророчили худое. Онъ позвалъ меня одного, глазъ—на—глазъ, въ покой свой, и, посмотрѣвъ на меня, спросиль: «Что скажешь?» — Ты присыпалъ за мною есаула съ конвоемъ, сказалъ я: — но я конвоевъ не люблю, и не идеть мнѣ,

маленькому человѣку, съ такимъ почетомъ ъздить; вотъ почему я есаулу не дался; а передъ тобой я ни нынѣ, ни впредь не ослушникъ; прикажи — и явлюсь. — «Это хорошо», сказалъ онъ: — «такихъ я люблю; сказывай же мнѣ теперь все, что есть за тобою, чтобы мнѣ другихъ не спрашивать.» За мною есть много, отвѣчаль я: — да не много словъ нужно на все: мнѣ съ сестрами и братомъ приходилось умереть голодомъ и не много дней приходилось жить, потому что поршнями сыть не будешь; я просилъ хлѣба взаймы и подъ залогъ оружія, просилъ у родичей, пріятелей и даже у враговъ; никто не даль; тогда я пошелъ въ обрики, положивъ зарокъ грабить зажиточныхъ людей, на все время голода, отбирать у нихъ по закону четвертую часть и кормить голодныхъ. Вотъ все. — «Ты ли связалъ трехъ нукеровъ, изъ конвоя одного князька?» спросилъ онъ. Я. — «Какъ же ты могъ съ ними управиться?» — Я рассказалъ. «А ты ли ограбиль трехъ жидовъ?» я; у нихъ было двѣнадцать выюковъ, а я взяль только два. «Ты ли

ограбилъ сосѣда, который на тебя просить?» я; онъ хотѣлъ уморить меня съ голоду и хвалился этимъ; что же лучше, чтобы сосѣдъ мой продавалъ хлѣбъ свой по непомѣрной цѣнѣ и разбогатѣлъ отъ этого, или чтобы сто человѣкъ голодныхъ были сыты? — «Правда твоя, Асань; оставайся же у меня на три дня въ гостяхъ; такой гость какъ ты дому моему почетъ.» Онъ отпустилъ старшину, послалъ ко мнѣ въ домъ два воза пшеницы, приказалъ меня у себя угощать и каждый день призывалъ къ себѣ для разговора. На третій день онъ подарилъ мнѣ одежду и шашку и прощаюсь сказалъ: «будешь ли еще грабить, Асань?» Я отвѣчалъ: буду князь, пока не кончится голодъ, потому—что я положилъ такой ненарушимый зарокъ; пшеницы, которую ты послалъ ко мнѣ въ домъ, станеть не на долго, потому—что сестры мои, по строгому приказанію моему, не смѣютъ отказывать въ хлѣбѣ ни одному голодному, а голодныхъ теперь больше, чѣмъ сытыхъ. «Не обижай же никого напрасно», сказалъ князь: — «и не пугай бѣдныхъ людей». Я

отвѣчалъ, что не для обиды это дѣлаю и не для корысти, а чтобы избавить себя съ семьей и другихъ бѣдныхъ людей отъ голоду.

Прибывъ домой, я принялъ поздравленіе отъ стариковъ и другихъ добрыхъ людей Гадазихора, а враги мои не смѣли показываться. Я засталъ толпу народа у моей сакли, которая съ крикомъ и плачемъ требовала хлѣба; тутъ были старики, бабы и дѣти; многіе пришли, по слухамъ, издалече и едва дотащились; одинъ стариkъ, сидя отъ слабости на землѣ, досталъ изъ-за пазухи пучокъ травы и, протягивая ко мнѣ руку, кричалъ сиплымъ, истомленнымъ голосомъ: вотъ что я жую другую недѣлю; брюхо мое стало корытомъ, и голодъ у меня проникъ во всѣ кости!» Я тотчасъ послалъ повѣстить на всю деревню, чтобы всѣ, у кого есть въ домѣ печеный хлѣбъ, то есть лепешки, снесли ихъ тотчасъ же ко мнѣ въ домъ и приняли вмѣсто того пшеницу; всѣ исполнили мое приказаніе, даже дядя мой, старшина. Я наварилъ еще болтушки, и накормивъ и одаривъ всѣхъ

бѣдняковъ, отпустилъ ихъ, сказавъ, что они не одни и чтобы теперь никто изъ нихъ не приходилъ ко мнѣ за хлѣбомъ ранѣе одной недѣли. Всѣ обѣщались исполнить это, благодарили и ушли.

Видя меня въ такомъ обиліи и столь тароватымъ, отецъ Гюзели надѣялся этимъ покорыстоваться и пришелъ на мировую, съ тѣмъ только, чтобы я ему уплатилъ то, что у него отнялъ. Я ему захочоталъ въ глаза и спросилъ: какой дуракъ тебя за этимъ прислалъ? «Я самъ пришелъ, отвѣчалъ онъ. Ну, такъ стало быть ты самъ и есть дуракъ этотъ. Когда ты лежалъ у меня подъ ножомъ, то ты говорилъ одно, а когда поѣхалъ жаловаться, такъ чай говориль другое, теперь же выдумалъ еще третіе; поди же съ Богомъ, отпускаю тебя здрава и невредима, съ тѣмъ уговоромъ, что если ты когда-нибудь и кому-нибудь помянешь о томъ, что я тебя ограбилъ, то припасай у меня сейчасъ же опять столь на сто человѣкъ; да, я тебя еще разъ заставлю накормить ихъ!

Получивъ громкое имя на всю округу, я вскорѣ набралъ себѣ отважныхъ товарищей, съ условіемъ никого напрасно не обижать, грабить не для корысти, а ради голода и голодныхъ; такимъ образомъ я дѣлалъ набѣги въ разныя стороны, то на жителей, то на проѣзжихъ, но всегда только на людей достаточныхъ, и притомъ на такихъ, которые бѣднымъ ничего не даютъ; я всегда отбиралъ у нихъ не болѣе какъ положено было по закону, то есть четвертую часть, потому—что хотя это приказаніе начальства и было объявлено, но оно никѣмъ не исполнялось; бѣдные, зная, что приказаніе такое есть, еще болѣе встревожились и роптали; зажиточные также были недовольны, уклонялись и скрывали достатокъ свой какъ могли, что и рождало повсемѣстное беспокойство. Я завель у себя народную кухню, гдѣ каждый день пекли и варили все, что я добывалъ, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, и сестры мои съ братомъ одѣляли всякаго, кто приходилъ и садился подъ навѣсь моей сакли. Я доставлялъ домой черезъ

товарищѣй моихъ все, что могъ добыть, а самъ изрѣдка только навѣдывался, для порядка. Мало—по—малу дошло до того, что ни одинъ почти зажиточный человѣкъ не смѣлъ прогонять голоднаго отъ своего порога безъ подаянія, потому—что лишь только бѣднякъ приходилъ въ саклю мою и объявлялъ объ этомъ сестрамъ, какъ онъ давали мнѣ знать, и я отправлялся для наказанія виноватаго.

Однажды навѣдался я домой и, сдѣлавъ порядочный запасъ съѣстного, остался отдохнуть нѣсколько дней. Тутъ пришелъ одинъ изъ двоюродныхъ братьевъ моихъ и позвалъ меня въ гости къ матери своей, моей теткѣ, жившѣй отъ Гадазихора верстахъ въ сорока. Дорога наша лежала черезъ Кубу; не доходя до города, брату моему вдругъ сдѣлалось дурно, и онъ почти не могъ далѣе итти. Мы рѣшились отдохнуть въ одномъ загородномъ саду, вошли туда, присѣли и сказали подошедшему хозяину, что мы—де пришли къ тебѣ въ гости; коли примешь, то попотчуй насъ плодами. Между тѣмъ стало

смеркаться. Хозяинъ послалъ мальчика, который и принесъ намъ плодовъ, а самъ тотчасъ удалился. Черезъ полчаса мы вдругъ были окружены народомъ; ночь была свѣтлая, и я замѣтилъ, что было человѣкъ до двадцати. Тутъ нѣкоторые подошли и стали спрашивать, какіе мы люди и зачѣмъ сюда зашли? Я сказалъ, что идемъ туда—то, что ночь нась застигла, а братъ мой сдѣлался нездоровъ, почему и попросились у садовника переночевать. Они отвѣчали, что лезгинъ приказано брать, гдѣ попадутся, потому—что они нынѣ много шалять, и доставлять въ городской судъ. Я отвѣталъ, что мы не изъ тѣхъ лезгинъ, которыхъ велѣно брать, а изъ мирныхъ; но они сказали: «мы этого не знаемъ; сложите съ себя оружіе, ступайте съ нами въ городъ, тамъ и оправдаетесь». Я возражалъ, что мы никакого насилия, ни обиды не дѣлали, попросились ночевать изъ чести, а за это—де еще не за что брать и доставлять въ судъ; но что я имъ ни говорилъ, они ничего не хотѣли слышать, а начали кричать, грозить и подступать

ближе, готовясь взять нась силой. Тогда я толкнуль брата, чтобы онъ всталъ, удариль одного человѣка въ голову стволовъ ружья, онъ упалъ, толпа съ крикомъ разступилась, и мы побѣжали изъ саду. Но братъ мой, будучи слабъ, не могъ долго бѣжать; его взяла одышка, онъ остановился и кричаль мнѣ, чтобы я его не покидаль. Я воротился, и толпа, погнавшаяся за нами, опять на нась напала. Тутъ я одного поймалъ и даль ему четыре раны кинжаломъ; тогда прочие всѣ отступились и кричали мнѣ: «отпусти его, мы васъ оставимъ, мы не станемъ за вами гнаться!» Я его отпустиль, мы пошли шагомъ, а они надумались, опять догнали насъ и непремѣнно хотѣли меня взять. Я разсердился, стала обороняться не шутя и раниль еще двоихъ: одного изъ ружья, а другого кинжаломъ. Тутъ только они нась оставили совсѣмъ. И за дѣломъ гнались: чтобы дать переранить четырехъ человѣкъ!

Между тѣмъ братъ мой сдѣлался сильно нездоровъ и едва могъ итти, даже когда я его вель подъ руку. Подходя уже къ городскимъ воротамъ, мы опять услышали

за собою толпу народа; къ счастію по близости случился оврагъ, въ который мы успѣли во-время скрыться. Толпа прошла мимо насъ; это несли одного изъ тѣхъ, котораго я ранилъ. Изъ разговоровъ ихъ я услышалъ, что одинъ изъ этихъ людей знаетъ меня; онъ называлъ меня по имени, упрекалъ прочихъ за неосторожность ихъ; «я вамъ не совѣтовалъ связываться съ нимъ», говорилъ онъ: — я знаю, каковъ онъ; вотъ вы и надѣлали дѣла». Отдохнувъ и переспавъ немного въ полѣ, мы опять пошли, и я на другой день довель брата моего къ матери его. Когда онъ рассказалъ, что съ нами было, то она много благодарила меня, что я не покинулъ сына ея, и просила погостить, но я остался одинъ только день и воротился домой, чтобы продолжать свое дѣло.

Спустя мѣсяца три, въ продолженіи которыхъ я съ товарищами управлялся тутъ и тамъ по прежнему, князь Асланъ-ханъ, жившій въ Кумукѣ, отъ насъ верстъ со-сто, прислалъ за мною гонца, чтобы звать меня къ себѣ. Я поѣхалъ. Асланъ-ханъ тотчасъ

позвалъ меня и спросиль: «ты ли сынъ Маймада-али и внукъ Пырь-али?» — Я отвѣчалъ, что слуга твой. «Я зналъ твоего дѣда, продолжалъ Асланъ-ханъ: — онъ былъ храбрый воинъ, мы съ нимъ хлѣбъ-соль воживали; а о тебѣ слышно, что ты ему не уступаешь и пугаешь много народа; такъ ли это?» Я отвѣчалъ, что дѣйствительно такъ, рассказалъ все подробно и объяснилъ причину, почему и для чего я такъ дѣйствую, то есть, что именно меня заставило сдѣлаться разбойникомъ. Но я знаю, что все это можетъ оправдать меня передъ совѣстю мою, но не передъ начальствомъ. Я передъ вами виновать; есть воля ваша сдѣлать надо мною, что угодно; я готовъ положить голову на плаху. Асланъ-ханъ отвѣчалъ: «я не за тѣмъ призвалъ тебя, чтобы казнить; я тебя звалъ въ гости къ себѣ; мнѣ хотѣлось посмотретьъ на тебя и услышать изъ твоихъ усть подробности твоихъ дѣйствій. Ты достоинъ своего дѣда Пырь-али; въ тебѣ есть сердце. Останься у меня и погости недѣлю».

Проживъ у Асланъ-хана недѣлю въ добромъ привѣтѣ и чести, я пришелъ откланяться, а онъ мнѣ предложилъ остаться у него совсѣмъ; но я отвѣчалъ, что почиталъ бы за счастье сложить голову свою на службѣ Асланъ-хана, если бы меня не связывала клятва обрика, а потому я прошу отпустить меня: покуда будетъ продолжаться голодъ, я долженъ кормить бѣдный народъ. Безъ меня никто этого не сдѣлаетъ. Прошу васъ въ несчастномъ случаѣ защитить меня; если же все благополучно кончится, то я со всѣмъ семействомъ перейду къ вамъ и буду вамъ вѣрнымъ рабомъ.

Асланъ-ханъ одѣль меня въ хорошее платье, одарилъ конемъ, кольчугой, полнымъ оружіемъ и отпустилъ съ честью.

Прибывъ домой, я сталъ продолжать ремесло свое, и разныхъ случаевъ было столько, что нельзя ихъ пересчитать; но я строго наказывалъ товарищамъ и требовалъ отъ нихъ въ томъ клятву, чтобы не убивать людей, а только отбирать частицу, у зажиточныхъ обывателей и богатыхъ

проехжихъ купцовъ, для насущнаго хлѣба на себя и на нищую братію. Во дворѣ моемъ дымъ курился день и ночь, все пекли и варили, сестры мои хозяйствничали и кормили до сыта всякаго захожаго. Вокругъ Гадазихора поселились цѣльные таборы нищихъ.

Прошло съ полгода. Въ шайкѣ моей былъ одинъ купеческій сынъ изъ самой Кубы, родомъ тамошній персіянинъ. Онъ познакомилъ меня со своимъ семействомъ, и я, ввѣрившись въ него, уже нѣсколько разъ ночевывалъ у него въ домѣ. Однажды онъ также звалъ меня къ себѣ въ гости, по поводу праздника, и я, согласившись, взялъ еще съ собою другого очень надежнаго товарища. На пути товарищъ этотъ говорить мнѣ на нашемъ лезгинскомъ языкѣ, котораго персіянинъ не понималъ: — позволь, атаманъ, я его убью; я изумился и сказалъ: «что ты это говоришь? или ты въ горячкѣ? чтобы я впредь этого никогда не слышалъ; за что? мы не убиваемъ и постороннихъ людей, а станемъ рѣзать товарищей?» — Нѣть, отвѣчалъ тотъ: — онъ

намъ не будеть товарищемъ, а скорѣе измѣнникомъ и предателемъ; какой товарищъ персіянинъ лезгинцу? Сердце мое никогда не обманываетъ, ни себя, ни другихъ, а я сердцемъ слышу, что онъ нась продастъ: не ъзди съ нимъ, Асанъ! Пустое, сказалъ я: — они люди добрые, я ужъ нѣсколько разъ у него ночевалъ. Поѣхали дальше.

Не доѣзжая города, мы остановились въ ближайшемъ лѣску, а персіянинъ мой сказалъ: «отдохните здѣсь, а я поѣду впередъ и осмотрюсь не много и привезу закусить: вамъ, какъ лезгинцамъ, надо остерегаться». Онъ поѣхалъ, мы остались, и вдругъ, отколѣ ни возьмись ворона, стала все летать около нась, садиться на деревья и каркать. «Видиши ли, сказалъ товарищъ: — что не къ добру мы ъдемъ: воля твоя, а я ворочусь, да и тебѣ совѣтую сдѣлать тоже». Не захотѣлось мнѣ послушаться вороны, глупой птицы, которая каркаетъ безъ толку весь день, а пуще того показалось стыдно уйти такимъ образомъ, будто я не смѣль покинуть

своего персіянина въ глаза, а когда онъ удалился, то тайкомъ уѣхалъ. Я остался. «Какое будетъ приказаніе твое, спросиль меня лезгинъ, сѣвъ на лошадь: — если ты не воротишься?» — Приказываютъ живые люди, а не мертвые, сказалъ я: — а когда не ворочусь, то стало быть меня не будетъ въ живыхъ. А завѣтъ мой: не грабить изъ корысти, а только ради голода; не убивать людей, не обижать бѣдняковъ.

Персіянинъ воротился, не привезъ ничего, сказавъ, что не нашелъ, а звалъ къ себѣ въ домъ, гдѣ все будетъ приготовлено. Гдѣ же товарищъ нашъ? — Воротился, сказалъ я: — онъ до вечера выждеть насъ у подгорного лѣсу. Я замѣтилъ, что лошадь персіянина была порядочно упарена и что онъ стало быть ъездилъ куда-нибудь спѣшно и гналъ, хоть къ намъ и подъѣхалъ шагомъ; одного этого было бы уже достаточно, чтобы остеречь меня и чтобы мнѣ послушаться своего лезгинца; но видно ужъ судьба моя исполнилась и тянула меня въ бѣду. Мнѣ показалось такъ стыдно не повѣрить испытанному товарищу, хоть и

персіянину, что я сѣль на лошадь и поѣхаль съ нимъ.

Мы прибыли къ нему въ домъ къ ночи, меня приняли ласково, угостили, а потомъ я попросиль своего хозяина сходить за однимъ знакомымъ моимъ, чтобы съ нимъ увидаться. Онъ ушелъ и долго пропадалъ; было поздно, мнѣ подали подушку, и я прилегъ, а братъ хозяйствій сѣль возлѣ меня и разговаривалъ. Наконецъ приходитъ и самъ онъ и говоритъ, что долго искалъ того человѣка, на силу нашелъ, и онъ скоро будетъ, потомъ, подошедши ко мнѣ, спросиль у своихъ какую–то вещь и нагнулся черезъ меня, какъ будто искалъ ее; въ ту же минуту братъ его схватилъ меня за руки, а онъ упалъ ко мнѣ на грудь, оба они закричали громко, дверь отворилась и вошелъ офицеръ съ командой. Меня схватили столько человѣкъ, сколькимъ можно къ одному человѣку приступиться, обезоружили, связали и вывели на дворъ. Тутъ я увидѣлъ, что весь домъ окруженъ солдатами и казаками. Заковавъ меня, отвели подъ стражу.

На другой день привели меня къ начальнику. «Ну, храбрый рыцарь, сказалъ онъ: — попался! Довольно тебя искали! Жалобъ на тебя также довольно; а что ты самъ скажешь, много ли ты душъ погубилъ?» — Ни одной, отвѣчалъ я: — но все таки виновать, какъ разбойникъ и грабитель. Я свое дѣло кончилъ; судьба моя свершилась; дѣлайте вы свое, я роптать не стану. — «Ты отвѣчаешь бойко, сказалъ онъ: — не думаешь ли еще, что можешь быть прощенъ?» — Нѣть, не думаю; отвѣчалъ я: — вы славитесь какъ начальникъ справедливый; а какой же справедливый начальникъ можетъ простить разбойника? Меня слѣдуетъ казнить.

Меня посадили въ арестансскую. Заключенные разговаривали между собою, и вѣря и не вѣря, чтобы это былъ я. Одинъ, лежавшій на нарахъ, съ завязанною головой, всталъ, подошелъ, узналъ меня и бросился мнѣ въ ноги. Онъ былъ изъ моей шайки, раненъ на грабежѣ и съ отрубленнымъ ухомъ попался въ плѣнъ. Они рассказали мнѣ, что прошла молва,

будто я намѣревался ворваться въ Кубу и
освободить всѣхъ арестантовъ — чего у
меня никогда и въ помыслѣ не бывало — и
поэтому поводу стали искать и ловить меня
еще настоятельнѣе прежняго. Оказалось,
что персіянинъ мой самъ разгласилъ слухъ
этотъ, чтобы придать измѣнническому дѣлу
своему болѣе важности и цѣны.

На другой день повели меня къ
коменданту, который тотчасъ узналъ меня,
судивъ нѣсколько лѣтъ тому, какъ я уже
сказывалъ, за раненыхъ мною двухъ
братьевъ. Онъ сожалѣлъ обо мнѣ, что я
вдался въ такое дѣло, и сказалъ: «молодѣ
ты еще, а проказилъ много». На допросахъ
я показывалъ все, что зналъ и помнилъ, по
всей справедливости; когда меня проводили
по улицамъ, то стало собираться много
народу и иные называли меня
благодѣтелемъ и кормильцемъ; поэтому
стали меня возить, приказывая скорѣе
ѣхать.

Недѣль черезъ шесть Асланъ-ханъ
узналъ о моей участіи и прислалъ сына
своего съ письмомъ, чтобы за меня

просить. Побывавъ у коменданта, онъ пришелъ и ко мнѣ, въ арестантскую, и уговаривалъ меня, чтобъ я не горевалъ, обнадеживая ходатайствомъ отца своего. Но я ему сказалъ, поблагодаривъ почти со слезами, что напрасно онъ беспокоится, а пути въ этомъ не бывать. Я столько знаю порядокъ, и дѣла, и людей, что никакого помилованія ожидать не могу. Я обрикъ, это извѣстно вся кому; какоежь бы это было начальство, если бы оно обриковъ отпускало? Этому не можетъ быть. Судьба моя свершилась; вотъ все.

Проживъ двѣ недѣли, навѣдывая меня часто и одаривъ меня деньгами, сынъ Асланъ-хана принужденъ былъ подняться опять съ близкими и нукерами своими, которыхъ было человѣкъ до двухъ—сотъ, и возвратиться къ отцу съ рѣшительнымъ отказомъ коменданта, который сказалъ, что онъ во мнѣ не властенъ, а судить будетъ законъ.

Черезъ нѣсколько времени навѣстили меня два купца, принесли гостинца и спросили, узналь ли я ихъ? — Нѣть, не

узналь, — сказалъ я. «Всмотрись хорошенько, мы носимъ еще знаки отъ твоей руки, продолжали они, рассказавъ, что были въ числѣ раненыхъ въ тотъ вечеръ, когда меня съ болынымъ братомъ хотѣли захватить въ саду. Они также рассказали мнѣ, что никто не умеръ отъ ранъ, а всѣ давно выздоровѣли. — Простите меня, сказалъ я: — теперь я буду отвѣтчать за все. «Нѣть, мы сами виноваты, сказали они: — одинъ человѣкъ узналь тебя и уговорилъ насъ всѣхъ, чтобы поймать тебя и отличиться передъ начальствомъ, потому—что за тебя была обѣщана награда. Мы были у допроса, но на тебя не показали, потому—что ты дѣлалъ болѣе добра, чѣмъ зла, а этого можно сказать не о всѣхъ людяхъ, хотя они и не разбойники». Спасибо на добромъ словѣ, сказалъ я: — но мнѣ теперь все равно; я не думаю о томъ, чтобы оправдываться, и самъ первый на себя докащикъ.

Два года сидѣль я въ кандалахъ, покуда длилось разбирательство, хотя я ни въ чемъ не отпирался; иногда позволяли кой—кому

навѣщать меня, и у меня бывали дяди мои, Уль-ага и Асанъ, да навѣстила еще разъ добрая душа — и Богъ вѣсть, какъ она прошла ко мнѣ и одна меня доспросилась. Меня однажды вечеромъ вызвали изъ арестанской, сказавъ, что пришла сестра; я этому очень удивился, не полагая, чтобы сестру мою такъ отпустили, одну, и чтобы она, какъ молодая дѣвушка, могла отыскивать меня по острогамъ. Выхожу — и вижу въ углу сѣней женщину, закрывшую лицо свое до половины платкомъ; съ первого взгляду узналъ я Гюзель. Зачѣмъ ты пришла, сказалъ я: — тревожить и себя и меня, и подвергать сверхъ того, безъ пользы, жизнь свою опасности? Если мужъ твой узнаетъ объ этомъ, то вѣроятно убьетъ тебя. Мы говорили по-лезгински и нась никто не понималъ. «Все равно, сказала она: — судьба твоя свершилась, — свершилась и моя; я хотѣла видѣть тебя еще разъ. Скажи мнѣ, ты пропалъ? — Пропалъ, отвѣчалъ я: — считай, что меня нѣть на свѣтѣ. «Прощай же, и Богъ съ тобой, сказала она: — буду думать, что видѣла

мертваго; но и къ мертвому ходять прощаться».

Наконецъ мы слышимъ съ вечера, что троимъ изъ насъ вышло рѣшенье, но неизвѣстно кому. По утру вызвали меня, повели на площадь, гдѣ было выстроено войско, прочитали приговоръ и прогнали черезъ 500 человѣкъ. Вскорѣ опять навѣстилъ меня дядя, я просилъ его привезти ко мнѣ какъ можно скорѣе брата и обѣихъ сестеръ, чтобы съ ними проститься; но на другой же день рано утромъ подъѣхала къ острогу повозка, вышелъ офицеръ, потребовалъ меня и объявилъ мнѣ рѣшеніе отправляться въ Финляндію, въ тамошніе полки на службу. Онъ далъ мнѣ отъ себя денегъ на дорогу, обнадеживалъ чѣмъ могъ и спрашивалъ, нѣть ли у меня здѣсь какихъ-нибудь нужныхъ порученій. Я заплакалъ, благодарила его и почти безъ памяти сѣль въ повозку; особенно болѣно мнѣ было, что, не видавшись два года съ сестрами и братомъ, для которыхъ я сдѣлался разбойникомъ, уѣзжаю навсегда и не могу

съ ними проститься. Конвойные казаки сказали: пошелъ! и повозка покатилась. Долго я лежалъ ничкомъ и не хотѣлъ даже взглянуть по сторонамъ.

Въ Шемахѣ на нѣсколько дней остановились, перековали кандалы мои и погнали съ другими арестантами пѣши. На первой верстѣ я растеръ ноги въ кровь, однажды дошелъ до ночлега, не жалѣя плоти своей. По утру не могъ я двинуть и переставить ногъ; но какъ велѣли итти, то я опять подумалъ, что мнѣ жалѣть себя нечего, и пошелъ. Товарищамъ страшно было на меня смотрѣть, и я ихъ задерживалъ; они стали проситься итти впередъ, а я, противъ воли своей и сколько ни силился, отставалъ. При проходѣ черезъ деревню намъ попалась встрѣчу старуха; взглянувъ на мои ноги, она вскричала: «Боже мой! неужели и моего сына вели такъ!» и сама упала къ моимъ ногамъ; тогда мнѣ стало жаль ее, болѣе чѣмъ себя.... поздно дотащился я до привалу, гдѣ прочіе давно ужъ расположились, поѣли и отдохнули; меня спросили: ну, какъ ты

дошелъ? — Вы видѣли сами, сказаль я: — и конвойный мой видѣль. — Не зналъ я прежде, сказаль тотъ же: что ты лезгинъ Асанъ, и что бралъ дань съ купцовъ и жидовъ; что же ты не обложилъ данью шемахинцевъ, какъ проходилъ городъ? — Я сказаль: если бы ты у меня спросиль объ этомъ тогда, когда я бралъ дань, то я бы тебѣ отвѣчалъ на это. Между тѣмъ пришла къ намъ также старуха, съ племянникомъ, принесла намъ ужинать, сѣла и начала плакать по сынѣ. Не плачь, старуха, сказаль я: — у Бога много людей. — У Бога много, сказала она: — да у меня былъ одинъ; и спрашивала, отчего нѣть для нась подводъ? И пошла къ начальнику и стала просить, чтобы позволилъ ей дать для нась пару воловъ, до слѣдующаго селенія; онъ же сказалъ, если таково усердіе твое, то пожалуй дай. Такимъ образомъ мы отправились на волахъ, а на дорогу она напекла намъ и наварила много. Далѣе самъ начальникъ сталъ требовать подводу для слабыхъ. На пятый день прибыли мы въ Нуху; тутъ я уже былъ въ такомъ

положеніи, что не могъ слѣдовать дальше. Меня расковали, оставили на недѣлю, а тамъ везли въ однихъ только ручныхъ кандалахъ до Тифлиса.

Въ Тифлисѣ я принялъ присягу на службу; меня обмундировали, и стать я русскій солдатъ, но все еще былъ подъ карауломъ. Вскорѣ насъ отправили; дорогою товарищи уговаривались было бѣжать, но я ихъ отговорилъ, сказавъ, что вы только сами себя погубите, а уйти не уйдете; пойдемъ впередъ, посмотримъ, что тамъ будетъ, можетъ быть и хорошо. Такимъ образомъ шли мы на многіе города и наконецъ черезъ Петербургъ до Выборга, и были въ дорогѣ всего отъ Кубы десять мѣсяцовъ.

Въ Выборгѣ опредѣлили меня въ баталіонъ и держали уже не какъ арестанта, а какъ рекрута. Командиръ осмотрѣлъ меня, поговорилъ со мною и приказалъ отправить въ роту и дать хорошаго дядьку; онъ будетъ хороший солдатъ, сказалъ онъ, ударивъ меня по плечу. Это было 8 сентября, день ротнаго праздника, и я, по

приказанию адъютанта, поздравиль фельдфебеля. Онъ принялъ меня хорошо, приставилъ ко мнѣ доброго и старательнаго стараго солдата; всѣ товарищи меня вскорѣ полюбили и не могли наслушаться моихъ разсказовъ; капитанъ былъ мною доволенъ, и я также долженъ быть его полюбить, потому—что онъ былъ къ намъ правдивъ и заботливъ. А кому какая до того нужда, коли я скажу, что скучалъ до смерти? Я родился и выросъ въ горахъ, вольнѣе козы дикой.... но я хотѣлъ служить честно и вѣрно, потому—что первая моя судьба свершилась и ея не воротишь, а теперь началась другая....

Черезъ полгода намъ сказанъ былъ походъ подъ Кимзоль. Дядька спросилъ меня: «есть ли у тебя деньги на дорогу?» — Нѣтъ, отвѣчалъ я: — ни копейки. — «Ну, хоть бы занялъ у кого, послѣ выработаешь, отдашь», сказалъ онъ. Я попросилъ у одного товарища, у котораго, какъ я зналъ, были деньги; онъ отвѣчалъ: хорошо, Асанъ, я тебѣ дамъ деньжонокъ, только ты меня слушайся и дѣтай, что я велю: гдѣ увидишь

хорошіе сапоги у чухонъ, либо рубаху, или что другое, бери и неси ко мнѣ; солдатъ—багоръ, что зацѣпилъ, то и потащилъ. Я сказалъ: научиль бы ты меня добру, такъ я бы и даромъ послушался, а этой науки мнѣ и за деньги не надо. — Какъ, сказалъ онъ: — да вѣдь ты же, говорять, грабиль дома и на разбой ходилъ? — Коли обѣ этомъ толковать, сказалъ я: — такъ мы братъ съ тобой и вѣкъ не столкуемся. Господь съ тобой.

На другой день мы отправились въ походъ. Мнѣ стало повеселѣй; устали не слышалъ я никакой, а только словно становилось мнѣ вольнѣй и легче. Я забавлялъ товарищѣй своими пѣснями и пляской; они смѣялись, и я смѣялся, а сердце у меня плакало.... чего не припоминаль я за этими пѣснями!

Пришли мы на первый привалъ, ружья въ козлы, и легли отдыхать. Когда все вокругъ меня стихло, то меня прошибла слеза.... между тѣмъ слышу, что не вдалекѣ одинъ офицеръ говорить капитану: «Ну, молодецъ вашъ черкесъ; вѣдь всѣ

пятнадцать верстъ пропѣль да проплясалъ!» — А гдѣ онъ, пошлите его сюда, сказалъ капитанъ. — Есть ли у тебя деньжонки? спросиль онъ. — «Нѣть ни копейки.» Онъ далъ мнѣ пять рублей, сказавъ: «Поди, выпей рюмочку». Я отвѣчалъ, что отроду вина не пиль. «Ну, такъ купи себѣ чего-нибудь поѣсть», сказалъ онъ. Тутъ онъ замѣтилъ, что у меня сапоги тѣсноваты и велѣль мнѣ ранецъ положить на повозку.

Товарищи, узнавъ объ этомъ, стали говорить: «А что, Асанъ, тебя надо поздравить, пойдемъ да поднеси по маненькой». Я отвѣчалъ, что товарищамъ никогда и ни въ чемъ не отказывалъ; пойдемъ. Я поднесъ имъ и дядькѣ; тутъ входить капральный; они стали говорить: «Ну, для капрального надо полуштофъ.» — Нѣть, братцы, отвѣчаль я: — этому не бывать; по одной выпили и довольно, одну поднесу и капральному, а деньги понадобятся впередъ. Капральный сказалъ, что это правда и велѣль мнѣ деньги беречь.

Вскорѣ мы дошли, и нась разставили по квартирамъ; тутъ намъ было хорошо и работалъ, кто хотѣлъ, на себя. Переходя съ мѣста на мѣсто, пробыли мы тутъ всего два года; я обжился, свыкся съ товарищами, а начальники меня любили. Наконецъ мы опять воротились въ Выборгъ.

Въ 1840 году пріѣхалъ туда гвардейскій офицеръ, для выбора людей въ гвардію. Проходя по фронту, онъ выдвинулъ и меня впередъ, но баталіонный командиръ сказалъ ему что—то по—французски, и тотъ осадилъ меня опять назадъ, въ строй. Со мной стоялъ одинъ разжалованный въ солдаты; онъ перевель мнѣ послѣ слова нашего майора, что—де «этотъ сданъ въ солдаты съ кавказа, изъ горцевъ, за большое преступленіе и безъ выслуги.» Услышавъ это, я вдался въ такую тоску, что у меня отпала охота къ службѣ и ко всему на свѣтѣ. Я положилъ бѣжать.

Это было въ іюнѣ. На другой день я вышелъ часу въ девятомъ утра, оглянулся и подумалъ: бывало, не разбиралъ я ни дней, ни часовъ, а смѣло шель куда хотѣлъ....

разыгралась во мнѣ былая кровь; взявъ ломоть хлѣба, сколько можно было спрятать подъ шинель, да сапожный ножъ, и пустился въ путь.

Двое сутокъ шелъ я глухими мѣстами и больше ночью, хлѣба у меня не стало; на трети сутки въ ночи вышелъ на деревню. Увидавъ въ полѣ лошадь, я ее поймалъ, привель въ деревню, нашелъ на одномъ дворѣ рогожу, перекинулъ ее черезъ лошадь, сѣль и поѣхалъ охлябъ. Подъѣзжаю къ рѣчкѣ, на которой былъ мостъ, и вижу, что тутъ стоять казаки. Подумавъ, я рѣшился проскакать очертя голову, надѣясь прорваться; но на мосту встрѣтили меня двое пѣшихъ казаковъ, я назадъ — и тамъ двое; лошадь испугалась, кинулась въ сторону, споткнулась и упала, а я съ нея черезъ голову. Казаки бросились на меня, но я успѣль выхватить ножъ, закричалъ на нихъ, вырвался и пустился бѣжать. Они за мнай; въ деревнѣ услышали крикъ, а какъ это было на зарѣ, то и мужики также за мнай погнались. Я кинулся стороной въ болото, перебѣжалъ

его легко, а они вязли; за болотомъ побѣжалъ я по тропинкѣ и, наткнувшись на мостокъ, спрятался подъ него въ траву. Въ это время поднялась сильная буря съ дождемъ и загладила слѣдъ мой по травѣ, отъ росы; поэтому они, походивъ долго въ окружности и возвращаясь нѣсколько разъ опять къ мосту, не нашли однакожь меня, потеряли слѣдъ и ушли.

Пролежавъ на одномъ мѣстѣ съ самого расвѣта часу до пятаго вечера, между тѣмъ какъ дождь все шелъ, я рѣшился итти дальше, потому—что голодъ меня выживалъ; какъ—то не лежалось. Пришедъ къ озеру, изъ котораго вытекала рѣчка, я раздѣлся и переплылъ ее, выжаль платье свое, но, пройдя нѣсколько далѣе очень отошаль; я отошелъ въ лѣсъ, наѣлся ягодъ и тутъ же переночевалъ. На слѣдующую ночь я пришелъ въ русскую деревню; но я такъ ослабѣлъ, что отдыхалъ на каждой верстѣ и то въ—силу дотащился. Вошедши въ одинъ изъ дворовъ, увидалъ я три коровы; выбравъ дойную, я погладилъ ее, поласкалъ и принялъся сосать молоко. Это

меня очень освѣжило, и я пошелъ дальше. Наконецъ на пятый день пришелъ я въ одну изъ тѣхъ чухонскихъ деревень, гдѣ мы квартировали; здѣсь я зналъ одну добрую старушку, и хотя было около полуночи, но я пошелъ прямо къ ней и вошелъ въ избу. Сынъ ея меня окликнулъ; я назвался по имени; онъ удивился, сказавъ: «Какъ такъ? вѣдь вы въ Выборгѣ?» — Мы опять пришли къ вамъ на квартиры. Онъ разбудилъ мать, которая зажгла огня и стала меня спрашивать. — Матушка, сказалъ я: — все расскажу, что хочешь, и тебя стану слушать, только ради Бога сперва накорми. Она принесла хлѣба, молока и масла; я кинулся съ жадностю, укусилъ кусокъ, а ъсть не могу. «Что это, спросила она: — что же ты не ъешь?» — Вамъ это въ новинку, отвѣчалъ я: — а мнѣ оно съ молодыхъ лѣтъ знакомо. Я пятый день не ъель; помираю съ голоду; только. Она заплакала, принесла сливокъ, велѣла мнѣ выпить, а сама, всплескивая руками, приговаривала: «Геръ-Езусъ, что ты сдѣлалъ, тебѣ будетъ худо!» — Худого я

много видѣль, матушка, отвѣчаль я: — такъ ужь обтерпѣлся. Видно такая моя судьба.

Отдохнувъ не много, поѣвши и оправившись, я опять пустился въ дорогу; старушка дала мнѣ на дорогу хлѣба, масла, трутъ, кремень и огниво. Что дальше, то мнѣ опаснѣе было продолжать путь въ солдатской одеждѣ, и я сталъ думать о томъ, чтобы ее сбыть. Только-что я подумалъ объ этомъ, среди бѣлаго дня, какъ идетъ встрѣчу мнѣ чухонецъ, въ бѣломъ балахонѣ своеемъ, и, не дойдя до меня, остановившись кричить: «Куда идешь? Здѣсь солдатъ нѣть!» Я подошелъ поближе и, увѣряя его, что тутъ должны стоять солдаты, вдругъ выхватилъ ножъ свой, поймалъ мужика за воротникъ и потащилъ съ дороги въ лѣсъ. Чухонецъ сильно перепугался и приговаривалъ все одно: «Помилуй, пусти»; я велѣль ему тотчасъ раздѣться и разутъся, самъ сдѣлалъ тоже и, заставивъ его надѣть на себя всю солдатскую одежду, отпустиль, сказавъ: «Ступай, братъ, на мое мѣсто.» Отошедши еще дальше въ лѣсъ, я наточилъ

ножъ свой о камень и сбрить усы и бакенбарты: такъ я и сдѣлался чухной.

Не смѣя вытти по близости на дорогу, потому—что новый солдатъ мой вѣроятно надѣлалъ тревоги, я пошелъ опять въ перевалъ, раздумывая про себя, какъ—то онъ, сердечный, удивить всю деревню свою, вышедъ изъ нея утромъ мужикомъ, а воротившись къ обѣду въ солдатской шинели, брюкахъ, сапогахъ и фуражкѣ. Между тѣмъ я на третій день вышелъ опять на деревню, проплутавъ самыми глухими мѣстами. Я сталъ осторожно обходить ее и наткнулся на троихъ ребятъ, которые пасли овецъ; я было сталъ спрашивать ихъ, гдѣ дорога въ Петербургъ, но они не знали ни слова по—русски, и я пошелъ дальше. Увидавъ въ сторонѣ большое строеніе, я рѣшился, на счастье, итти прямо туда, но встрѣтилъ двухъ бабъ, которые сказали мнѣ, что это стеклянный заводъ, указали, какъ вытти на петербургскую дорогу и сказали: «Иди коли хочешь съ нами; мы идемъ туда же.» Я пошелъ съ ними, но сталъ немного опасаться, потому—что онѣ

повели меня опять назадъ, въ деревню. Поглядѣвъ на меня и поговоривъ между собой по—своему, онѣ спросили меня: «Какъ же такъ, ты одѣтъ по—чухонски, а говоришь по—русски?» Я сказалъ, что жиль тутъ въ работникахъ, но по—чухонски еще не выучился. Онѣ заговорили между собой такъ, что мнѣ показалось подозрительно; я остановился, будто зачѣмъ—нибудь, а онѣ, отошедши немнога, стали меня дожидаться. Тогда я отошелъ въ лѣсъ и тамъ пустился бѣгомъ въ сторону — и наткнулся прямо на кружокъ мужиковъ и бабъ, которые обѣдали. Я остановился, они стали меня подзывать, но я пошелъ въ сторону, а отойдя довольно далеко, присѣлъ, досталь остатки харчей своихъ и принялся ъсть. Вдругъ стоитъ передо мной чухонецъ высокаго росту и спрашиваетъ по—русски, какой я человѣкъ и что тутъ дѣлаю? Я сказалъ, что работникъ русскій, иду домой; но онъ, принадлежа вѣроятно къ числу видѣвшихъ меня прежде и догадываясь, что я долженъ быть бѣглый, велѣлъ мнѣ тотчасъ итти за нимъ, а если не пойду, то

свяжеть. Нѣть, подумалъ я: — ты братъ не поймавши щиплешь; самъ выхватилъ ножъ и бросился на него; онъ отшатнулся, а я побѣжалъ въ сторону. Пробѣжавъ не много, я вышелъ на дорогу и тутъ увидалъ, что меня окружили: одинъ мужикъ скакетъ прямо на меня верхомъ, а спереди также собрался народъ. Я остановился: наскакавъ на меня, онъ хотѣлъ меня смять лошадью; но я увернулся, схвативъ лошадь за поводъ и даль мужику рану ножомъ въ ляшку; онъ закричалъ, свалился, а я вскочиль на лошадь и поскакалъ назадъ, въ деревню, куда было прежде повели меня бабы. Проскакавъ деревню, я покинулъ лошадь, а самъ бросился опять въ лѣсъ. Опознавшись тутъ, я пошелъ прямымъ путемъ, какъ слѣдовало, вышелъ на дорогу и ночью пришелъ въ Драницники, что за третьимъ Парголовымъ.

Туть я вошелъ потихоньку въ избу, гдѣ всѣ спали, и въ томъ числѣ трое солдатъ. Я нашелъ хлѣбъ, отрѣзаль себѣ ломоть, вышелъ опять на дворъ и увидалъ каморку, гдѣ ключъ торчалъ въ замкѣ. Вошедши въ

каморку, нашель я тамъ ларчикъ, въ которомъ быль чай и сахаръ и 30 коп. сер. Деньги и сахаръ я взяль, выпиль двѣ кринки молока и взяль еще съ собой корзину съ полсотнею яицъ. Отошедши въ лѣсь и отдохнувъ тамъ, пришелъ я до свѣту въ третье Парголово, гдѣ мнѣ попадается навстрѣчу слѣпой нищій, котораго вела дѣвочка. Я подалъ ему гривну, изъ взятыхъ въ Дранишникахъ, а онъ, кланяясь и благодаря меня, назвалъ *служивымъ*. Я испугался и побѣжалъ отъ него прочь, не понимая, какъ слѣпецъ могъ знать, кто я? Стало быть зрячій и подавно меня узнаеть? На меня напалъ такой страхъ, что я не смѣль взглянуть ни на одного встрѣчнаго человѣка.

Наконецъ дохожу я до Литовскихъ казармъ; не зная, куда мнѣ дѣваться и куда итти, сталъ я бродить по улицамъ и попаль на Петербургскую сторону; а между тѣмъ корзина съ яйцами все со мною и одѣть я чухонцемъ. Какой–то господинъ спросилъ меня: «Продаешь, что ли?» — Продаю. Онъ позвалъ меня въ домъ. Тамъ мы

сторговались, но онъ, глядя на меня, спросилъ: «А для чего ты, пришедши въ домъ къ барину, не снимаешь шляпы?» Опасаясь, чтобы меня не признали по стриженымъ волосамъ, я не смѣль снять шляпы и сказалъ, поддѣлываясь, какъ умѣль, подъ говоръ чухонца, что у насъ такой манеръ. Расплатившись, онъ меня отпустилъ, приказавъ носить къ нему яйца, масла, сливокъ и цыплять, что я и обѣщалъ.

Вышедши на улицу, я увидѣль мужика, стоящаго за чаномъ или кадкой и приглашающаго народъ на кислые—щи. Мнѣ давно хотѣлось поѣсть горячаго, и я подошелъ, спросилъ на пятакъ щей, но онъ сказалъ: «На пятакъ продажи нѣть, а есть на двѣнадцать.» Я отдалъ ему деньги, а онъ подалъ мнѣ бутылку и стаканъ, тогда какъ я готовился на чашку и ложку. Нечего дѣлать; я не подалъ виду, выпилъ квасъ и пошелъ. Иду, самъ не зная куда, а спрашивать никого не смѣю, да и самъ не знаю, о чѣмъ бы спросить? Знакомаго нѣть, гдѣ укрыться не знаю. Иду я и попалъ въ

крѣпость, прошелъ ее и вышелъ на Царицынъ лугъ, а оттуда на Сѣнную. Увидѣвъ двухъ татаръ, я рѣшился подойти къ нимъ и спросить по-татарски: «Нѣтъ ли здѣсь купцовъ изъ Грузіи или изъ Туречинѣ?» Назвавъ мнѣ одного извѣстнаго здѣсь купца, спросили они, изъ какихъ я? — Мусульманинъ, отвѣчалъ я. — «Почему же ты такъ одѣтъ?» Я посмотрѣлъ на нихъ, спросилъ: «А добрые ли вы люди?» и когда они меня въ этомъ завѣрили, то я имъ сказалъ въ двухъ словахъ все. Они объяснили мнѣ, гдѣ живеть купецъ этотъ, но я, отправившись туда, забылъ въ чьемъ домѣ и поэтому стоялъ долго на одномъ мѣстѣ, не зная какъ и кого спросить. Подходитъ ко мнѣ персіянинъ и говорить: «Ты спрашивалъ такого-то?» — Я. — «Пойдемъ». Мы пошли и застали его на полуденной молитвѣ. Окончивъ ее, онъ позвалъ меня и спросилъ, что тебѣ надо? Я упалъ ему въ ноги и сказалъ: «Ради Бога и молитвы Корана, которую ты сейчасъ читалъ, защити меня и не дай погибнуть. Мы одновѣрцы: пожалѣй

обо мнѣ и помоги». Я рассказалъ ему все и просилъ найти средство доставить меня въ Грузію или въ Турцію. Онъ, подумавъ, отвѣчалъ: «Себя я погубить погублю, а тебѣ не пособлю. Средствъ такихъ у меня нѣтъ. Я дамъ тебѣ мальчика, онъ отведетъ тебя къ такому—то; здѣсь есть на службѣ твои земляки, посовѣтуйся съ ними, что они скажутъ».

И этотъ человѣкъ, къ которому меня привели, выслушалъ меня, покачалъ головой, далъ полтинникъ и послалъ съ тѣмъ же мальчикомъ къ землякамъ моимъ. Прійдя на мѣсто, я мальчика отпустилъ, вошелъ въ комнату и увидѣлъ предъ собой четырехъ лезгинъ; одинъ изъ нихъ, человѣкъ пожилой, игралъ на нашей балалайкѣ. Они посмотрѣли на меня и спросили, что надо? Я отвѣчалъ, что пришелъ наниматься въ работники, слышавъ, что имъ нуженъ человѣкъ. Они улыбнулись и заговорили между собою по—лезгински: сердце у меня обрадовалось. «Дадимъ ему два цѣлковыхъ въ мѣсяцъ», сказалъ одинъ изъ нихъ: коли пойдетъ,

такъ пусть живеть. А что ты возьмешь?» — Что другимъ платите, то и мнѣ; а узнаете меня, такъ можетъ быть дадите и больше. Между тѣмъ я все смотрѣль на того, который игралъ, давно я этого не слышалъ, и сердцу моему хотѣлось плакать. «Что ты смотришь? спросили они: — хорошо онъ играетъ?» — Хорошо, сказалъ я: — никогда не видаль я такой балалайки; позвольте мнѣ спѣть на этотъ голосъ пѣсню. Они сказали между собой: «Вотъ чудакъ пришелъ, видно онъ шутникъ и проказникъ; посмотримъ, что будетъ, пусть поетъ»; а мнѣ сказали по-русски: спой. Я положилъ шляпу свою на полъ, присѣль по-нашему на корточки и запѣль имъ пѣсню, очень извѣстную у насъ, обѣ одномъ ханскомъ сынѣ, который странствовалъ на чужбинѣ и много перенесъ горя. Тотъ пересталъ играть и, опустивъ руки, уставилъ на меня глаза, а прочіе встали со своихъ мѣстъ, подошли и смотрѣть на меня въ недоумѣніи.

Когда я кончилъ, то старшій изъ нихъ, положивъ мнѣ руку на плечо и глядя мнѣ прямо въ глаза, сказалъ: «брать мой, кто

ты и какъ ты сюда зашелъ? Мы четыре года здѣсь, а такого человѣка не видали».... Я отвѣчалъ: говорите со мною по-русски, я только пѣсни умѣю пѣть по-лезгински. Они же отвѣчали: «не шути такъ; глядя на тебя и на все странное, что теперь содѣялось, намъ не до шутокъ; братъ нашъ, говори, кто ты и какая судьба тебя перерядила и привела въ этомъ видѣ къ намъ?» Я спросилъ: слыхали ль вы въ Кубѣ про Джигита-Асана? «Какъ не знать его; отвѣчали они: — онъ при насъ еще былъ пойманъ и сосланъ оттуда въ Сибирь.» Такъ онъ-то самый и стоить предъ вами. Затѣмъ я рассказалъ имъ все.

Подумавъ и крѣпко пожалѣвъ обо мнѣ, они сказали: «напрасно ты, другъ и братъ нашъ, къ намъ пришелъ; отъ насъ тебѣ помощи не можетъ быть никакой; мы здѣсь не въ такомъ мѣстѣ и не въ томъ положеніи; да мы же и приняли присягу служить вѣрою и правдою.» Старшій изъ нихъ къ этому прибавилъ: «другъ и братъ мой, зачѣмъ ты сюда пришелъ? Теперь ты погибъ вторично; я не могу даже тебя

отпустить; я долженъ представить тебя начальству.» Прочие стали просить его за меня, хотя и сами были въ большомъ страхѣ и не знали, что начать; онъ же сказалъ имъ: не могу, ударилъ себя кулакомъ въ грудь, отошелъ къ окну и отвернулся. Одинъ изъ молодыхъ махнулъ мнѣ рукой, и я поспѣшно вышелъ.

Между тѣмъ вѣроятно не однимъ имъ сдѣлалось обо мнѣ известно: когда я проходилъ по двору, то черкесы собрались у оконъ, и одинъ изъ нихъ со мною заговорилъ, вслѣдъ затѣмъ вышелъ трубачъ и велѣлъ мнѣ воротиться. Меня встрѣтилъ офицеръ и сталъ опрашивать; я сказалъ, что я бѣдный человѣкъ, пріѣхалъ сюда изъ Грузіи съ однимъ купцомъ и живу у него въ работникахъ. «Неправда, сказалъ онъ: — ты Асанъ-Джигитъ, тебя знаетъ вся Куба.» Народъ собрался около насъ, и онъ велѣлъ взять меня подъ караулъ.

Тутъ прибѣжали ко мнѣ нѣсколько человѣкъ изъ служивыхъ персіянъ и стали меня спрашивать, а я молчалъ. Что жъ ты, другъ любезный, не отвѣчаешь, говорили

они: — мы пришли жалъя тебя и хотѣли тебе сдѣлать добро. Я отвѣчалъ: нѣть, видно мнѣ здѣсь добра не видать; когда ужь земляки мои не могли меня спасти, то ваши братья, продавшіе меня и тамъ, здѣсь не выкупятъ.

Тутъ пришелъ офицеръ съ бумагою и чернилицей и сталъ говорить ласково: скажи, любезный другъ, куда былъ сосланъ и какъ сюда попалъ? говори правду и судьбы своей никогда не бойся; мы станемъ за тебя просить начальство. Я молчалъ; онъ настаивалъ; наконецъ я сказалъ: судьбы своей я не боюсь, хотя въ третій разъ погибаю отъ своихъ братій; но хвастуновъ я не люблю; твоя просьба у начальства гроша не будетъ стоить. Отойди отъ меня прочь, тебѣ я отвѣту не дамъ, а ведите меня куда слѣдуешь, тамъ пусть спрашиваютъ. Затѣмъ я выхватилъ ножъ изъ-за голенища, ударилъ имъ изо всей силы о нары, сломалъ его и бросиль, чтобъ не было грѣха.

Пришли двое земляковъ и принесли обѣдъ и водку. Я сказалъ, что водки не

пью, но отъ хлѣба—соли не отказываюсь. Я взялъ кусокъ въ ротъ, но слезы полились, и я не могъ ъсть. Сжалившись надо мною, они было одумались, закричавъ: пропадать, такъ пропадать вмѣстѣ; изрубимъ тѣхъ, которые его выдали; кому и какъ мы дома на глаза покажемся....

Къ счастію скоро пріѣхалъ начальникъ ихъ, взялъ меня къ себѣ и разговаривалъ со мною за—полночь. Я самъ понялъ, что тутъ дѣлать было нечего; человѣкъ не булавка, его такъ не схоронишь.... Онъ отправилъ меня на съѣзжую, и я показалъ себя изъ числа плѣнныхъ лезгинъ, взятыхъ при нападеніи на Кизляръ, — сказалъ, что бѣжалъ съ дороги, неизвѣстно откуда, потому—что я тогда не зналъ по—русски и не зналъ названія русскихъ городовъ; я также не могъ знать ни имени конвойныхъ офицеровъ, ни направленія и назначенія партіи нашей; словомъ, я бѣжалъ неизвѣстно откуда, неизвѣстно куда и неизвѣстно гдѣ шатался.

Въ полиціи сидѣль я три мѣсяца, и со мною случился арестантъ, человѣкъ

смирный, пожилой и набожный. Мы подружились; онъ сталъ учить меня русской грамотѣ и рассказывалъ, какъ христіянская вѣра пріятна Богу. Тутъ родилась у меня первая мысль о томъ, чтобы креститься, и я подумалъ, если бы Господь освободилъ меня отъ этой напасти, то я бы остался навсегда въ Россіи; нищенство и вѣчная рѣзня въ горахъ нашихъ мнѣ теперь были противны; я сталъ понимать, что человѣкъ не долженъ жить какъ живеть звѣрь.

Я вель себя очень смироно, и приставъ меня полюбилъ. Попросивъ однажды, по моей просьбѣ, чтобы эфенди навѣстилъ меня, онъ сказалъ ему: «Мнѣ право жаль этого человѣка; такого смирного и доброго арестанта я и не видалъ; у васъ есть много знакомыхъ, вы бы за него постарались; его, какъ плѣнного, можно бы отпустить, хоть на поруки; ему тутъ на чужбинѣ уйти и дѣваться не куда.» Эфенди отвѣталъ: «у насъ скоро будетъ праздникъ, а у меня гости, отпустите его тогда ко мнѣ.» Приставъ это исполнилъ, и эфенди одѣль

меня въ черкесское платье, даль денегъ, и приставъ порадовался за меня, когда я пришелъ къ нему въ хорошемъ платьѣ. Вскорѣ отпустили меня на поруки; но черезъ мѣсяцъ опять вытребовали, отпуская однако же иногда на честное слово, и я свято его сохранялъ. Затѣмъ отослали меня въ Управу; тамъ сидѣль я три мѣсяца; дѣло рѣшалось было тѣмъ, что если земляки мои подпишутся, что я точно такой-то изъ кизлярскихъ плѣнныхъ, то буду отпущенъ; но они не могли этого сдѣлать, хоть и жалѣли обо мнѣ, и сказали, что онъ-де знаетъ четыре языка: турецкій, персидскій, татарскій и лезгинскій, и не беремся рѣшить, какой онъ уроженецъ. Меня отправили въ городскую тюрьму; вскорѣ вышелъ милостивый манифестъ, по которому и меня было вызвали; но горю моему не пришелъ еще конецъ: тутъ отпускали только арестантовъ гражданскихъ, меня опять оставили, а потомъ перевели въ крѣпость, гдѣ я съ прочими арестантами ходилъ на работу. Много я благодаренъ доброму плацу—

майору, который защитиль меня отъ другихъ не добрыхъ людей....

Такъ прошло еще семь мѣсяцовъ, и меня передали гражданскому суду, переведя опять въ городскую тюрму. Сюда по праздникамъ приходиль одинъ господинъ и раздаваль намъ духовныя и нравственныя книги. Отъ страшной скуки и тоски я принялся читать ихъ съ большимъ вниманіемъ и размышленіемъ. До этого времени мнѣ часто приходило въ голову, что еслибъ Богъ привель мнѣ возвратиться на родину, то ужь я бы не щадя себя выместиль злую судьбу свою на своихъ врагахъ и предателяхъ, а особенно на двухъ братьяхъ персіянахъ, которые меня такъ безбожно продали. Эта дума схватывала меня иногда по ночамъ, и у меня горѣло сердце. Теперь же я сталъ замѣчать, съ нѣкотораго времени, что злоба мести во мнѣ угасала; я пересталь желать зла врагамъ своимъ, хотѣль вынести со смиреніемъ все на себѣ, и мнѣ стало легче: сердце мое не жгло меня. Когда я замѣтилъ

это, то сказалъ рѣшительно: я хочу креститься.

Услышавъ это отъ меня, тотъ же господинъ пріѣхалъ съ одной извѣстной вельможей, вызвали меня, говорили и спрашивали долго и, похваливъ, обѣщались вскорѣ исполнить мое желаніе. Пріѣхавъ вторично на первой недѣлѣ великаго поста и бывъ моими восприемниками, они крестили меня въ тюремной церкви.

Въ іюлѣ потребовали меня въ уголовную палату и прочитали мнѣ рѣшеніе: я освобождался отъ суда, могъ избрать любой родъ жизни и приписаться куда хочу.

Я вышелъ, оглянувшись на улицѣ кругомъ, смотрѣль на встрѣчныхъ и проходящихъ и долго не могъ опомниться, что я теперь свободный человѣкъ. Мнѣ все еще казалось, что каждый изъ этихъ людей можетъ снова начать меня допрашивать и посадить въ заточеніе. Я пошелъ къ благодѣтельницѣ своей, которая отправила меня въ свою вотчину, въ должности

смотрителя, приказавъ управляющему обходиться со мною хорошо и учить меня, какъ жить и обращаться съ людьми. Мнѣ было привольно, должность свою я исполняль какъ могъ лучше, но сердце мое не было спокойно; я ходилъ подъ какимъ-то страхомъ. Дворовые люди не взлюбили меня, за строгую исполнительность мою и за правдивость: что я видѣлъ, то и говорилъ.

Однажды я отъ имени управляющаго отдавалъ приказаніе, а мнѣ на это отвѣчали бранью и угрозами; я настоятельно потребовалъ исполненія, и одинъ, кинувшись на меня, схватилъ за грудь и сталъ дергать. Я вспыхнулъ, во мнѣ проснулся прежній Асанъ, и я, схвативъ этого человѣка, приподняль его и ударилъ обземь, такъ-что онъ съ часть лежаль на мѣстѣ. Мнѣ эта жизнь не взлюбилась; видно я не на то родился; я тотчасъ же воротился опять въ Петербургъ, задумавъ итти въ военную службу. Когда я объявилъ объ этомъ крестной матери моей, то она спросила: куда же ты желаешь? Я

отвѣчалъ: въ конницу, въ казаки. Она попросила къ себѣ одного полковника, который, распросивъ меня, велѣлъ писарю написать просьбу, которую я подпісалъ и подалъ.

Прошло съ мѣсяцъ времени, и я былъ въ Казанскомъ Соборѣ у обѣдни, гдѣ говорилась проповѣдь, о томъ, что Господь видитъ сердца человѣческія, знаетъ всѣ дѣла наши и мысли, и какъ онъ милуетъ кающагося грѣшника и какъ будеть судить закоснѣлаго. Священникъ говорилъ очень внятно, а я стоялъ близко и не проронилъ ни одного слова. Выходя изъ церкви, я задумался; я призналъ себя грѣшникомъ и преступникомъ закоснѣлымъ; на меня напалъ страхъ; я остановился на паперти, чтобы притти въ себя, въ ту же минуту рѣшился что дѣлать и успокоился. Когда я былъ еще дикимъ горцемъ и не христіяниномъ, подумалъ я: — то плоти и тѣла своего не щадиль, ни какой тѣлесной боли не боялся и презиралъ всякую опасность; теперь же, просвѣтившись и причаствившись Христа, буду ли я подлымъ

трусомъ и обманщикомъ передъ Богомъ и Царемъ? Нѣть, не буду.

Я стала на колѣни передъ крестной матерью и сказала: виноватъ. Она испугалась и спросила: что съ тобой, не убиль ли ты кого? — Нѣть, отвѣчала я: — но совѣсть во мнѣ проснулась; я оболгаль и васъ и начальство: я бѣжалъ не изъ плѣнныхъ, а изъ солдатъ финляндскихъ баталіоновъ. Не хочу жалѣть себя, прикажите мнѣ объявить объ этомъ начальству; пусть берутъ меня и судятъ; я переносилъ много, перенесу и это.

Черезъ нѣсколько дней она послала меня въ Казанскій Соборъ и велѣла долго молиться передъ иконой Скорбящей Божіей Матери; она же въ самое это время просила за меня у властей земныхъ. Когда я воротился, то благодѣтельница встрѣтила меня вѣстю, что я прощенъ, отъ суда и наказанія избавленъ, но сейчасъ же долженъ отправиться на службу въ свой баталіонъ, на два года. Я свѣтъ увидѣлъ; спокойнѣе и радостнѣе этого дня у меня не бывало.

На проѣздъ въ Выборгъ мнѣ попался подводчикомъ сынъ той самой старухи, которая приняла меня въ ночи едва живого отъ голода и накормила. Я быль при деньгахъ и даль ему пять цѣлковыхъ. Прибывъ на мѣсто, я прямо отправился въ казармы и въ сѣняхъ встрѣтилъ фельдфебеля, который такъ удивился мнѣ, что не вѣрилъ своимъ глазамъ. «Откуда ты?» спросилъ онъ. Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ изъ отпуска. Тутъ жандармъ подалъ конвертъ, вышелъ ротный командиръ, который случился тутъ на ученьи. Пошли къ баталіонному командиру; онъ прочиталъ бумагу, вышелъ ко мнѣ и сказалъ: «Ну, братъ Асанъ, я тебя любиль и берегъ, а ты меня больно обидѣлъ.» Я отвѣчалъ, что прошлаго не воротишь, а впередь буду стараться изо всѣхъ силъ; но что впрочемъ судьба моя привела меня къ моему счастью. «Признаюсь, сказалъ майоръ: — что такого случая вѣроятно еще и на свѣтѣ не было. Въ какую ты роту желаешь? На старое мѣсто, ваше высокоблагородіе.

Въ казармахъ прошла уже обо мнѣ молва, и когда я пришелъ туда, то меня окружили, и распросамъ не было конца. Я принялся за службу, чтобы служить такъ, какъ велять Богъ и государь; а не прослуживъ и двухъ лѣтъ, я былъ переведенъ въ гвардію. Молю Бога за Царя и за моихъ благодѣтелей.